

Юлия Вознесенская

Путь
Кассандры,
или Приключения
с макаронами

Юлия Вознесенская

**Путь Кассандры, или
Приключения с макаронами**

«Лепта Книга»

2013

УДК 821.161.1-31 Вознесенская Ю.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вознесенская Ю. Н.

Путь Кассандры, или Приключения с макаронами /
Ю. Н. Вознесенская — «Лепта Книга», 2013

Знаменитый бестселлер-антиутопия о нашем недалеком будущем. Объединенная Европа после экологической катастрофы оказывается под властью президента, называющего себя спасителем и мессией. Уцелевшие люди живут при тоталитарном режиме, где главным способом существования является глобальная компьютерная сеть – «Реальность», к которой они подключены. Кассандра отправляется на помощь к своей заболевшей бабушке. Попадая в непривычный мир – «Обыденную жизнь», героиня узнает правду о таких «нормальных» явлениях как «обязательная эвтаназия», «клоны», «экологическая полиция», «асы»... Пережив опасные приключения, совершая подвиги, встретив первую любовь и бежав из лагеря смертников, Кассандра побеждает все препятствия и неожиданно для себя становится... человеком.

УДК 821.161.1-31 Вознесенская Ю.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вознесенская Ю. Н., 2013

© Лепта Книга, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Юлия Вознесенская

Путь Кассандры, или

Приключения с макаронами

© ООО «ГрифЪ», оформление, 2013

© ООО «Издательство «Лепта Книга», текст, иллюстрации, 2013

© Вознесенская Ю.Н., 2013

* * *

*Знаешь признаки антихристовы, не сам один помни их, но всем
сообщай щедро.*

Св. Кирилл Иерусалимский

*Сейчас уже намного позже, чем вам кажется.
Иеромонах Серафим (Роуз) Платинский*

*– А если бы он вез макароны?!
Реплика из старого русского фильма*

Господи, благослови!

Глава 1

Узкая оленья тропа, усыпанная опавшими листьями, потаенно вилась между черных стволов вековых деревьев, лес молчал в чуткой, настороженной неподвижности; изредка медленно, будто боясь спугнуть тишину, слетал с ветки, плыл, кружился и падал на тропу перед нами желтый или оранжевый лист. Тропа вывела нас с Индриком на освещенную белым осенним солнцем широкую просеку; теперь вместо листьев под копыта Индрика лежал толстый слой рыжей золы, сверху подернутый серым пеплом: по бокам просеки стояли мертвые, угольно-черные, обожженные деревья. Я обняла белую шею единорога, наклонилась и прошептала в отвсечивающее розовым чуткое остроконечное ухо:

– Только тихо, Индрик! Он, кажется, спит...

Индрик слегка нырнул рогом в знак согласия и стал ступать еще осторожнее, стараясь не нарушить таинственную тишину мертвого леса.

Фафнир спит чутко, но нам удалось подойти необнаруженными к самому входу в пещеру. Из громадной черной дыры с оплавленными краями шипя вырывались клочья горячего желтого пара. Я соскользнула со спины единорога, подкралась к скале сбоку от пещеры и осторожно начала карабкаться наверх, стараясь, чтобы ни один камушек не сорвался у меня из-под руки, ни один обгорелый куст не хрустнул под ногами. Кое-как зацепившись на закоптелых камнях над самым входом в пещеру, я развязала и сняла свой пояс – длинный шнур, свитый из шелковых и золотых нитей, в который были вплетены три волоска из моей косы. Я связала из пояса петлю, приготовилась и кивнула Индрику – пора!

Встав прямо напротив пещеры, Индрик по-лебединому выгнул шею и запел прекрасную песню без слов. Звук его голоса был подобен виолончели. В ответ из пещерного зева раздался мощный рык и выметнулся длинный язык пламени. Прямо в лицо мне пахло жаром, глаза защипало от едкого дыма. Но Индрику огненное дыхание дракона было нипочем, он только крепче уперся копытами в рыхлую золу, чтобы не быть снесенным горячим вихрем, да опустил свои длинные ресницы, оберегая глаза от взметнувшегося пепла.

– Ты че тут развопился, козел однорогой? Че спать не даешь? – просипел Фафнир, высывая из пещеры бородавчатую морду и скаля кривые зубы. Он откашлялся, сплюнул гарью и добавил:

– Счас я поджарю тебя на ужин, козлятина вопиющая!

Индрик, изящно переступая тонкими ногами, сделал перед самой мордой дракона несколько танцующих шагов вправо и влево. Тот вытянул шею, поводя головой и глядя на единорога то одним, то другим глазом, как петух на букашку. Индрик выразительно глянул на меня – теперь ты! Я прикинула ширину петли, чуть-чуть ее раздвинула и ловко набросила волшебное оружие на голову дракона. Фафнир рванулся вперед, петля соскользнула на его морщинистую шею и улеглась рядом с толстой золотой цепью, которую он носил как знак принадлежности к самым крутым рептилиям. Дракон рванулся, и меня снесло с карниза над пещерой: вмиг я оказалась у него на спине, удачно угодив как раз между двумя отростками гребня. Фафнир взвыл, присел на все четыре лапы, мотая головой и бестолково крутя грозным шипастым хвостом. Но дракон уже не мог причинить нам зла: пояс девственницы и песня единорога сделали его беспомощным. Лапы чудища подогнулись и разъехались в стороны, он улегся прямо в пепел, повернул ко мне голову и выпустил большую мутную слезу из круглого зеленого глаза с продолговатым зрачком. Слезка плюхнулась в горячий пепел и тут же с шипеньем испарилась.

– Слышь ты, дева! Отпустила бы ты меня, а? Надо мной другие драконы смеяться будут – девчонка и козел одолели!

– За «козла» ответишь, – мягко заметил Индрик. – Пора возвращаться, госпожа моя!

Мы отправились к замку: впереди Индрик, распеваящий громкую песнь торжества, а позади я верхом на укрощенном драконе, изредка взывавшем дурным голосом от непереносимого унижения.

Замок, в котором сейчас жили-были мы с друзьями, стоял на высоком холме за лесом. Издали он казался целым городком – такое множество башенок с флюгерами и шпилями гро-моздилось над его высокими зубчатыми стенами. Когда мы приблизились к главным воротам, на площадку надвратной башни вышли мальчишки-герольды, подняли трубы и протрубили что-то победно-героическое. Со скрипом опустился мост, с лязгом поднялась массивная чугу-ная решетка в воротах, и мы торжественно вступили на замковый двор. Я привязала конец своего пояса к кольцу пустой коновязи и оставила возле нее Фафнира; все наши лошади стояли сейчас в конюшнях, иначе пришлось бы дракону терпеть унижительное для него соседство.

– Госпожа моя, я могу удалиться, если сегодня больше тебе не нужен?

– Конечно, Индрик, иди. Благодарю тебя за добрую службу.

– Спасибо и тебе за эту сказку, госпожа Кассандра. Пока, ящерка-переросток! Надеюсь, тебе не дадут здесь скучать!

Кивнув дракону, Индрик свел все четыре ноги в одну точку, покачался над нею, а потом одним длинным прыжком-перелетом перемахнул через пятиметровую стену.

– Вали отсюда, козел однорогий, – проворчал Фафнир, когда Индрик уже не мог его слышать.

Я засмеялась и пошла к донжону – главной башне замка. Там на втором этаже распо-лагался наш пиришественный зал, в котором должны были ждать меня друзья и возлюблен-ный. Поднимаясь по широкой каменной лестнице, на площадках которой стояли рыцарские доспехи, а на стенах висели выцветшие знамена армий и штандарты королей, я на ходу пере-менила свой облик: взамен простого белого платья сочинила себе тяжелый парадный наряд из темно-вишневого бархата, а косу распустила и завила длинными локонами. Затем, толкнув обеими руками тяжелые двери, я торжественно вступила в зал.

Все уже собрались и пировали за длинным дубовым столом, уставленным оловянной и серебряной посудой, яствами, кувшинами и свечами. В огромном камине полыхало пламя, а перед ним лежали задумчивые лохматые собаки, лениво покусывая принесенные от стола кости; бродячий музыкант меланхолично перебирал струны лютни, напевая вполголоса какую-то балладу, но его, похоже, никто не слушал. Правда, на скамье рядом с ним, на пуши-стой рысьей шкуре лежал в небрежно изящной позе наш красавец Парсифаль, но он проза-ически спал, посапывая точеным носом. Влюбленные ворковали, приятели беседовали, кто-то нехотя пил... Поэт Мэрлок бездумно водил золотым карандашиком по табличке слоновой кости, чертя вместо изысканных куртуазных стихов вполне бессмысленные завитушки. Ген-рих дразнил своего попугая, а тот нервно переступал когтистыми лапами по широкому плечу хозяина и тянулся к бокалу с вином в его руке.

– Уа, дорогие, вот и я!

Все обернулись ко мне и радостно вразнобой закричали:

– Смотрите, кто пришел! Уа, Сандра!

– Где же ты пропадала, Сандра?

– Да так, гуляла в лесу, пленяла дракона.

– Рассказывай сказки! Как это ты могла в одиночку справиться с драконом? – недовер-чиво пробасил Генрих, отмахиваясь от назойливого клюва своего попугая-пропойцы.

– И зачем это юной девушке пленять драконов? – насмешливо протянула красавица Энея. – Пленять нужно прекрасных принцев и безупречных рыцарей, а они все здесь.

– Ну это мы все умеем, это так просто, – сказала Изольда, обнимая Мэрлока. Поэт ласково и снисходительно скосил на нее глаза и погладил лежащую на его плече ручку.

– Налейте мне вина, я устала, – сказала я, подходя к своему обычному месту рядом с Эриком. Он вскочил, поцеловал мне руку и отодвинул тяжелое кресло, чтобы я могла сесть.

– Что же ты не помог своей красавице справиться с драконом, Эрик? – поддела его Энея.

– Ей наверняка помогал Индрик, она обычно берет его с собой в такие волшебные экспедиции, – заметил Мэрлок. Он всегда немного завидовал моей дружбе с единорогом. Поэт хорошо знал, что можно придумать и создать фантомного единорога в Реальности, но это не будет подлинный чудо-зверь старинных легенд: настоящих единорогов не сочиняют, а вызывают, и они дружат только с девственницами, а девственность тоже нельзя сочинить: она, как и единорог, либо есть, либо нет.

– В самом деле, Сандра, почему ты меня не позвала с вами? – хмуро спросил Эрик.

– Ты же знаешь, любимый, что Индрик не захотел бы идти с тобой.

– Знаю, Индрик водит компанию только с невинными девушками. Но твоя невинность это не моя вина – это моя беда.

Все засмеялись, а самый старший из нас, Артур, сказал:

– Прости, очаровательная Кассандра, но как-то не верится, что ты, пусть даже на пару с единорогом, сумела одолеть дракона.

– Любезный мой Артур и вы, мои храбрые друзья и прекрасные подруги! Если вы готовы оторваться от ужина и совершить вместе со мной небольшую прогулку, я приглашаю вас спуститься вниз и познакомиться с Фафниром.

Шумная компания покинула зал и спустилась во двор к коновязи, возле которой, свернувшись огромным колючим клубком, лежал присмиривший дракон. Его долго разглядывали, ужасаясь его величине и безобразию, поздравляли меня и просили прощения за недоверчивость и шутки. Потом стали решать, что же делать с драконом дальше: держать ли в качестве сторожа при замке, подарить какому-нибудь соседнему королю или отпустить на волю, взяв с него достойный выкуп?

– И для чего нам в замке такое страшилище? – засомневалась робкая Изольда.

– Я бы на твоём месте оставила его при себе в качестве личного хранителя твоей невинности, – посоветовала Энея.

– Ты можешь получить за свой подвиг хорошие деньги, – сказал Ланселот Озерный, доселе молчавший, – если запечатлеешь его и продашь в Банк-Реаль для использования в кошмарниках: их монстры в сравнении с ним весьма проигрывают, твой выглядит куда натуральнее.

– А что думает об этом сама великолепная и прелестная победительница драконов? – спросил Генрих.

Все выжидающе посмотрели на меня, в том числе и стяхнувший дрему Фафнир. Я же никак не могла выбрать правильное решение. Мои размышления прервал Парсифаль: желая продемонстрировать свое бесстрашие, он достал сигарету, подошел к самой морде Фафнира и, углядев между зубов тлеющий уголек, подцепил его кончиком кинжала, поднес к сигарете и прикурил. Все ахнули. Фафнир скосил вниз, на Парсифаля, один глаз, прижмурил его, и на горящую сигарету, а также на самого храбреца и его щегольской наряд, словно вода из таза, выплеснулась огромная слеза. Мокрый до нитки Парсифаль с негодующим воплем отскочил в сторону, а дракон очень натурально и скорбно вздохнул. Мы все расхохотались, даже промокший Парсифаль. Не смеялась одна только Изольда. Она подошла к дракону поближе, поглядела на него, закинув головку, и нежно произнесла:

– Бедняжка, мне тебя так жаль! Посмотрите, какое у него грустное выражение лица.

– Изольда, у драконов не лица, а морды! – усмехнулся Генрих. – Учти, если его отпустить, он снова начнет охотиться за красивыми девушками.

– Клевета! – пробурчал вдруг Фафнир. – Стыдно клеветать на пленных, люди! В жизни не обидел ни одной девушки, тем более красивой: на что мне ваши дурочки, дракониц мне что ли не хватает?

– Да он говорит человеческим голосом! Какая прелесть! – захлопала в ладоши Энея.

– От прелести и слышу, – недовольно буркнул Фафнир.

– Ка-а-а-кой ты гала-а-а-нтный, дракоша! – пропела Энея.

– Так ты, значит, говорящий, – задумчиво проговорил Ланселот.

– Говорящий, – кивнул мордой дракон. – А также читающий, знающий математику и геральдику, пишущий стихи и поющий. Вот только на музыкальных инструментах не играю и не рисую – форма конечностей не позволяет, – и он устрашающе поиграл своими длинными изогнутыми когтями, похожими на серпы.

– Придумала, какой с тебя взять выкуп, Фафнир! – сказала я. – Ты исполнишь нам балладу собственного сочинения.

– Запросто! Умеет тут кто-нибудь из вас, разнолапых, играть на лютне или гитаре? Я предпочитаю петь с сопровождением, а не а капелла.

– Ишь ты, действительно грамотей, – уважительно заметил Генрих.

– Поживешь с мое, тоже кой-чему научишься, – утешил его Фафнир.

Позвали бродячего музыканта. Он встал со своей лютней напротив Фафнира, но поодаль, а мы уселись на коновязи рядком и приготовились слушать. Дракон прокашлялся и напел аккомпанемент баллады. У него оказался мягкий бархатный бас. Музыкант тут же подобрал мелодию, и Фафнир запел свою песню:

Состарилась, состарилась принцесса:
Спина согнулась, расшатались зубы,
И так уныло клок волос белесых
Поник на горностае потертой шубы.

Прошло сто лет, а принц не появился.
Она проснулась так, без поцелуя.
Быть может, он дорогой заблудился,
А может быть, расколдовал другую.

Сто лет, сто лет! Уж где тут выйти замуж!
Ветшают королевские палаты,
Разваливается старинный замок,
А слуги спят, волшебным сном объаты.

А там, под сводом дальнего покоя,
Отец-король на золоченом ложе
Спит, королеву приобняв рукою,
И мать намного дочери моложе.

Все больше седины, все меньше кружев...
Пришлось бедняжке, наконец, смириться
И вспомнить, что среди принцесс-подружек
Она слыла когда-то мастерицей.

Нашла на чердаке запас кудели,
Веретено – то самое, конечно,
И села прясть. И потекли недели —
Она прядет прилежно и неспешно.

Прядет, прядет у тусклого окошка,
Свою судьбу меж пальцев пропускает.

У ног свернулся старенький дракошка,
Во сне дымок колечками пускает.

Нет принца из сиреневого леса,
И все прошло, и ничего не жалко.
Состарилась, состарилась принцесса.
Скрипит, скрипит разошедшаяся прялка.

Фафнир окончил пение под дружные аплодисменты всех слушателей и одинокие всхлипывания Изольды. Я подошла и молча сняла с его шеи мой колдовской пояс.

– Спасибо тебе, дева, век не забуду. Если понадобится помощь – ты знаешь, где я живу. Чао!

Фафнир развернул могучие крылья – на мгновение во дворе стало почти темно, взмахнул ими – нас ветром отнесло к донжону, взлетел на стену, выпустил на прощанье эффектный фонтан огня и был таков.

Все решили, что пора вернуться к прерванному ужину, и веселой нарядной гурьбой пошли к донжону, переговариваясь, смеясь и напевая балладу о старой принцессе. А я сказала, что хочу еще немного побыть на свежем воздухе, и осталась сидеть одна на бревне коновязи. Мне вдруг стало грустно. Я подумала: а не похожи ли мы все на эту принцессу из драконой баллады? Мы сами выбрали и наполовину создали нашу рыцарскую Реальность, пользуясь готовыми блоками из Банк-Реаля и собственным воображением. Мы любим нашу красивую, полную сказочных приключений Реальность, мы любим друг друга. Каждый из нас имеет опыт проб и ошибок в других Реальностях, но в конце концов мы собрались вместе, мы нашли тот мир, в котором нам интересно и уютно. И все же... Почему, ну почему мне бывает иногда так тоскливо? Чего не хватает мне в реальном мире, где мне доступно все – абсолютно все?

Я собралась уже вернуться в пиршественный зал, как вдруг прозвучал сигнал срочного вызова на мой персоник. Я сняла с головы золотую корону, тут же превратившуюся в обыкновенный пластмассовый обруч с датчиками, отложила его и снова взглянула на экран персоника: кто так упорно домогается контакта со мной? С экрана мне улыбалась моя бабушка.

– Здравствуй, детка. Я не оторвала тебя от чего-нибудь важного?

– Ничего, бабушка. Я была в своей Реальности, но там мне уже стало скучно. Я рада тебя видеть. У тебя все в порядке? Ты здорова? Вау! Я вижу, ты говоришь со мной из постели.

– В этом все и дело. Меня угораздило сломать шейку бедра, и теперь мне придется долго лежать. Ты собиралась навестить меня этим летом, а ты не можешь взять отпуск на работе пораньше и прямо сейчас приехать ко мне? Мне очень нужна твоя помощь. Это не причинит тебе особых неудобств?

– Бабушка! О чем ты говоришь? Я вылечу как только смогу.

Я простилась с бабушкой и задумалась. Разумеется, надо бросить все и лететь к ней. А вот хватит ли у меня на это денег? Я вызвала свой банковский счет. Так и есть, всего тридцать две планеты: мой отпуск материально не обеспечен, и Управление труда не отпустит меня с работы. Как говорит моя бабушка, две великие тайны остались никем не разгаданными в этом мире: куда уходит любовь и куда уходят деньги.

Про любовь я ничего не знаю и знать не хочу, а вот деньги... Как и все работники четвертой категории, я получаю в месяц двадцать пять планет: десять уходит на оплату Реальности, семь – на оплату жилья, доставку питания, медицинское обслуживание и одежду, а мобиль, вернее дешевенький мобилка, которым я пользуюсь в году только несколько раз, стоит мне не больше десяти планет в год. Живу я скромно, уединенно, дальше палубы своего «Титаника» почти нигде не бываю – по всем расчетам, у меня ежемесячно должны оставаться на счету какие-то деньги, а где же они? Можно, конечно, вызвать бабушку и объяснить ей ситуацию.

Она мне не откажет, ведь бабушка у меня миллионерша, но... Дело в том, что для бабушки ее деньги имеют особое значение – они почти неприкосновенны. Я всегда подозревала, что она тратит на себя даже меньше, чем я. В общем, я попала в трудное положение.

Глава 2

Самое время рассказать о моей семье, и тогда станет ясно, почему я не могу просить денег у бабушки. С нее и начнем.

Имя ее неудобнопроизносимо – Елизавета Николаевна Саккос. Она русская, но еще в молодые годы была выслана из коммунистической России за борьбу с режимом. Оказавшись в Западной Европе, тогда еще разделенной на множество государств, она выбрала местом жительства Францию. Однажды в Париже – а этот город был тогда столицей Франции и признанным центром мировой культуры – она познакомилась с молодым художником из Греции Илиасом Саккосом. Они понравились друг другу. Она понятия не имела о том, что ее друг – сын одного из богатейших людей мира, что он порвал с семьей и уехал в Париж учиться живописи, не желая заниматься бизнесом. Бабушка говорила, что когда они познакомились с дедом, они оба были очень бедны. Они сняли маленькую квартирку и стали жить вместе. Вскоре Илиас неожиданно заболел раком легких и приготовился к смерти. По настоянию бабушки православный священник обвенчал их прямо в больнице, после чего они покинули Францию и жили вдвоем где-то в горах. Мой дед ждал, ждал смерти, а потом взял да и выздоровел – без больниц и врачей. Но умер его отец, финансовый магнат Георгос Саккос, и бабушка с мужем вдруг сказочно разбогатели. По условиям завещания старого Саккоса сын должен был перенять управление делами отца. Считая, что отца подкосило известие о его болезни, Илиас перестал артачиться и решил исполнить отцовскую волю. Они с молодой женой покинули Париж и поселились в Греции.

Дед бабушку-красавицу боготворил и баловал, ни в чем ей не отказывая. Через бабушкины ручки изрядная часть его состояния утекла в Россию: сначала на развал коммунистического режима, а затем на восстановление российской монархии. Дед мой вел крупные финансово-торговые операции по всему миру, бабушка устраивала перевороты в России, и, может быть, поэтому у них родился только один ребенок – дочь София, моя будущая мать. Она росла красивой и своевольной, с детства мечтала стать актрисой и очень рано стала ею: лет в шестнадцать, кажется, она сыграла свою первую маленькую роль в настоящем театре. Финансировал постановку, конечно, мой дед.

Мир Реальности тогда еще не был создан, и люди довольствовались его жалкими предтечами – кино, театром и телевидением. Во всех этих трех видах развлечений одним людям отводилась роль наблюдателей, они назывались «зрителями», а другие люди изображали для них сцены выдуманной жизни и назывались «актерами» и «актрисами». Старейшим из этих искусств был театр, он и исчез из жизни первым. Произошло это постепенно и безболезненно почти для всех, кроме моей матери: она была как раз театральной актрисой. Ее театр закрылся около 2010 года. Почему я так точно знаю о времени закрытия какого-то театра? Да потому, что с горя и от ничегонеделания моя мать в том же году родила ребенка – меня. Она решила найти утешение в материнстве. О моем отце я никогда ничего не знала и не знаю. Через несколько лет мать опомнилась, подкинула меня на воспитание бабушке с дедушкой и пошла сниматься в кино. Ей повезло: кино умирало постепенно, она успела добиться в нем большого успеха и стать «звездой экрана», как это тогда называлось. Повезло и мне. Как раз в это время, в 2017 году, была восстановлена российская монархия, и моя бабушка вернулась из России после коронации нового императора. Теперь уже она решила заняться воспитанием единственного ребенка в семье, то есть моим. Мне было почти 7 лет, когда мать привезла меня в Грецию и с облегчением сдала деду с бабушкой. Я тогда говорила только по-английски и по-французски, поскольку мать снималась в Голливуде, а одевалась и развлекалась в Париже. Но дед с бабушкой отлично знали французский, так что проблем с общением у нас не было, а потом уже я выучила греческий и русский. Были зато, как рассказывает бабушка, жуткие проблемы

с моим воспитанием. Она человек прямой и любит кошку называть кошкой, так вот меня она называла «маленькой голливудской обезьянкой». Для меня наняли учителей и стали учить и воспитывать дома.

От моего детства у меня сохранились только очень редкие отрывочные воспоминания, но мне помнится, что я мгновенно поняла разницу между баловством и настоящей любовью и заботой. Мать, ее друзья и любовники меня, конечно, баловали и потакали всем моим капризам, но иногда забывали меня в бассейне или на вечеринке у знакомых, а уж сцены «звездной жизни» я видела такие, что бабушка и по сей день с ужасом вспоминает мои детские рассказы о голливудской сладкой жизни. Пока мать жила в «империи кино», а потом, после ее упадка и распада, моталась по всему свету в погоне за уходящей славой, я счастливо и безмятежно жила в огромном поместье моего деда в Греции. Я думаю, что годы жизни с бабушкой и дедом были самими счастливыми в моей жизни, потому что ничем иным не объяснить, как я сумела сохранить любовь к ней за годы разлуки.

Так продолжалось до самой Катастрофы в 2020 году, когда вдруг пробудились одновременно все старые вулканы Земли, к ним присоединились сотни вновь возникших, и волна страшных землетрясений прошла по всем континентам, включая Австралию и Антарктиду. Многие ученые считали, что вулканы пробудились в результате постоянных сотрясений земной коры, вызванных войной Америки и ее союзников против исламского мира. Известно, чем это кончилось. Скоро американцам и арабским фундаменталистам стало нечего делить, кроме пепла. Но пострадали и те государства, которые в этой войне не участвовали, поскольку земной коре были нанесены незаживающие раны.

Когда прошла первая волна землетрясений, дед отправил нас с бабушкой и несколькими верными слугами-греками в Германию, купив для нас в Баварском Лесу большую усадьбу на высоком холме: то ли он сам предвидел, то ли кто-то из ученых предупредил его, что возможная новая серия вулканических извержений приведет не только к пожарам и разрушениям, но и к затоплению Европы, и от нее останутся только клочки суши. Когда это случилось, и большая часть Европы за месяц с небольшим оказалась затопленной, дед собрал свои уцелевшие суда и организовал прославивший его имя Флот спасения. Миллионы людей были подобраны и спасены его пароходами и катерами. Бабушка утверждает, что только российский флот спас людей больше, чем Флот спасения моего деда. Когда в Греции произошло извержение сразу нескольких вулканов, он погиб, руководя спасательной операцией возле какого-то полуострова, застроенного монастырями: там и людей-то не было – одни монахи! Бабушка хотела продолжать его спасательную миссию, но тут начался завершающий этап Третьей мировой войны, и флот деда был конфискован в пользу Объединенной Армии. Мать перелетала с фронта на фронт, поднимая своими выступлениями боевой дух армии, а бабушка тихо жила со мной в Баварском Лесу, горя по деду и одинаково проклиная все воюющие стороны. Думаю, дело было еще и в том, что ее любимая Россия в Третьей мировой войне совсем не участвовала, занимаясь своими внутренними проблемами. Это вызывало всеобщее осуждение политики русских, и бабушке это было неприятно. Вскоре Россия вообще отделилась от всей планеты и стала жить в эгоистической самодостаточности, пользуясь огромностью своей территории и численностью населения; в то время как цивилизованные люди планеты уже давно ограничили рождаемость, русские, следуя канонам своей дикой религии, рожали всех зачатых детей. Кроме того, население России выросло и за счет десятков миллионов американцев-беженцев и эвакуированных во время потопа европейцев: и те и другие не желали возвращаться в цивилизованный мир и спасать его от восточного нашествия. Я знаю, что бабушка после смерти деда собиралась вернуться в Россию вместе со мной, но, слава Мессу, не успела: между ее родиной и остальным миром возникла Стена отчуждения. Бабушка утверждает, что Стену воздвигло Мировое правительство сразу после окончания войны, опасаясь возвращения массы европейских беженцев из России. Конечно, их возвращение было нежелательно для мирового сообщества, поскольку воз-

вращенцы несли с собой религиозную заразу Православия. Однако всем планетянам известно, что Россия сама заперлась изнутри, а наш Мессия вовсе не объявлял блокады против России. Впрочем, мне это и тогда было безразлично, а сейчас тем более. Меня устраивает мир, в котором я живу, а прошлое меня мало волнует. Будучи смешанного происхождения, я считаю себя планетянкой по гражданству, мессиянкой по убеждениям и британкой по образу жизни. Я горжусь тем, что живу в плавучем городе, называемом Новым Лондоном: только британская приверженность традициям могла породить такую смелую инженерную мысль – создать плавучую Англию над Англией затонувшей. Наши «Титаники» непотопляемы, нам не страшна даже новая Катастрофа, как поется в одной из песен, «ни морская волна, ни Россия не страшны, пока с нами Мессия». Я благодарна матери, что когда-то она, соблазнившись информацией о строительстве Лондон-Центра и вообразив, что вместе с дворцами и Парламентом будут воссозданы и театры, переселилась сюда из Америки.

Теперь о бабушкиных деньгах. Дед оставил бабушке огромное наследство, одно из самых больших состояний в мире. Когда закончилась Третья мировая война и образовалось Мировое правительство, бабушка добровольно передала ему почти все свои деньги на восстановление жилья для людей. Тогда по всем островам и архипелагам бывшей Европы миллионы людей жили в палатках и землянках, а то и просто под открытым небом. Взамен она получила первую степень Почетной старости и Сертификат экстерриториальности на свой остров. Этот Сертификат давал ей право жить независимо в ее баварской усадьбе, не подчиняясь законам Мирового правительства и не чувствуя над собой контроля Надзора. Власть еще не была тогда полностью передана Мессии, но он уже был избран всеми гражданами планеты председателем Мирового правительства, и договор между бабушкой и правительством о предоставлении ей независимости в обмен на ее миллионы был подписан самим Мессом. Она не имела персонального кода, ее имя не значилось в Банке людских ресурсов планеты, а когда председателя Мирового правительства наконец признали Мессией, она не приносила ему Клятву верности, и ее за это никто не порицал. Но бабушка может так жить только до тех пор, пока не израсходует свой последний миллион планет, который она предусмотрительно оставила себе. Таких людей, как моя бабушка, на всю планету несколько десятков человек. Дорожа своей независимостью, бабушка живет очень скромно, стараясь, чтобы ее денег хватило ей до самой смерти.

Но однажды бабушка едва не пожертвовала своим последним миллионом, и случиться это могло из-за меня. Мне было уже одиннадцать лет, когда к нам в Баварский Лес вдруг пожаловала моя мать. Она была все еще очень хороша собой и собиралась продолжать свою актерскую карьеру. Но уже не было ни кино, ни телевидения: весь мир надел обручи и ушел в Реальность, а от телевидения осталась лишь строго документальная программа новостей, для которой не нужны были актеры. Тогда несколько чудаков, в основном бывших актеров, решили для собственного удовольствия создать независимый театр, но для этого необходимо было найти и купить подходящее здание. В те годы уцелевшие дома были переполнены людьми и купить дом можно было только за огромные деньги. Мать знала о бабушкином миллионе и приехала, чтобы завладеть им. Сначала она попыталась увлечь ее своей идеей и уговорить пожертвовать остатками своего состояния «во имя настоящего искусства». Бабушка ответила решительным отказом. Мать понизила уровень своих притязаний и потребовала две тысячи планет в год на содержание хотя бы небольшой труппы, но бабушка отказала и в этом, сказав: «Ты распылишь на свое лицедейство деньги, которые у меня отложены на старость. Год жизни твоего театра – это минус год моей жизни». Тогда мать прибегла к крайнему средству: она заявила, что у нее ничего не осталось в жизни, кроме единственной дочери, и уж если она должна похоронить свой талант, то она посвятит остаток жизни воспитанию своего ребенка. Мать была хорошей актрисой, и хотя бабушку ей не удалось провести, я ей поверила всей душой. Мне стало жаль мою бедную, одинокую и такую красивую маму! И я сама стала просить бабушку отпустить меня к матери. Пока бабушка колебалась, мать изо всех своих актерских

сил очаровывала меня и заново приручала, а приручив, похитила меня у бабушки. Однажды поздним вечером, когда бабушка уже спала, она собрала мои вещи и увезла меня в Лондон, где она теперь жила. Все это я знаю от бабушки, но я ей абсолютно верю. Собственных воспоминаний об этих событиях у меня не сохранилось, отчетливо я помню себя только с того момента, когда оказалась с матерью в Лондоне.

Про дальнейшую нашу жизнь с матерью я могу определенно сказать, что ни прекрасной, ни интересной для меня она не была. У матери был друг-покровитель из канцелярии Мирowego правительства, толстый и старый. Мы поселились в его роскошной квартире, занимавшей целую палубу «Титаника» класса А. Он давал матери деньги на любые наряды и развлечения, но ни о каком театре и слышать не хотел. Меня он просто не замечал.

Бабушка очень скоро разыскала нас и приехала, чтобы выкупить меня. В это время я еще верила, что мать меня искренне любит и нуждается во мне. Может быть, бабушка без труда уговорила бы меня вернуться к ней, если бы приехала не через несколько дней, а хотя бы через месяц. Но в эти дни мать еще играла в святое материнство, а я упивалась ее вниманием и лаской. Кроме того, она обещала мне лучезарное будущее: «Я сделаю из тебя великую актрису! Ты похожа на меня и тоже вырастешь красавицей. Мы будем играть с тобой в одних спектаклях – в главных ролях мать и дочь Саккос!»

Бабушка явилась вечером, когда мать и ее друг где-то развлекались. Я решительно заявила ей, что не оставлю мою маму, что я люблю ее и мне с ней хорошо. Бабушке я пообещала, что буду обязательно ей писать и приезжать к ней в гости. Она не стала задерживаться, чтобы поговорить с дочерью, и тут же отправилась назад, оставив на столе записку: «София! Ты будешь получать 1000 планет в год на содержание моей внучки. Елизавета Саккос». Придя домой и узнав о визите бабушки, мать закатила истерику и надавала мне пощечин. Видимо, я сорвала какой-то ее план. Позже я узнала, что бабушка привозила с собой документ, по которому к матери переходили почти все ее деньги – выкуп за меня. С этого момента мать перестала обращать на меня внимание, а потом и вовсе открыто невзлюбила, считая, что это я погубила ее театральный проект.

Через некоторое время между матерью и ее покровителем произошел какой-то скандал, в результате которого мы переехали к другому ее другу, богаче и моложе первого. Он с первых дней начал оказывать мне недвусмысленные знаки внимания: то лез ко мне с непрошеными «отцовскими» нежностями, то объявлял в нетрезвой компании, что нашел себе сразу двух прелестных подружек. Однажды он пришел ночью в мою комнату и попытался залезть ко мне в постель. Я вовремя проснулась и встретила его склонившуюся ко мне физиономию крепким ударом ноги. Он схватился за лицо, выругался и выбежал. Почему-то я сразу не решилась рассказать матери о том, что между нами произошло, а потом это стало уже невозможно. Мерзавец начал внушать матери, что я – ребенок с отклонениями и меня нужно поместить в адаптационную школу для социально-психической переориентации. Он намекал, что я смотрю на него «с недетским сексуальным интересом». И все это прямо при мне. Пару раз я пыталась возразить, но тогда оба они начинали на меня кричать, требуя вести себя прилично. Привыкшая к совсем другому обращению, я замкнулась и замолчала. А позвать на помощь бабушку мне было стыдно: ведь пришлось бы признаваться ей, что мать меня совсем не любит! В конце концов мать с дружкой определили меня в соответствующее учебное заведение. На все бабушкины запросы мать отвечала, что я учусь в отличной закрытой школе. Когда бабушка узнала правду, она уже ничего не могла изменить.

Теперь я знаю, что друг моей матери хоть и был изрядным подлецом, но во многом был прав: если бы я в то время не попала на принудительную социальную адаптацию, моя жизнь позже могла бы стать кошмаром. Даже среди детей с отклонениями я казалась дикаркой, ведь я никогда не ходила в школу. Бабушка сама учила меня по своей программе, а она весьма отличалась от всепланетной программы обучения. Мы изучали с бабушкой географию Земли

до Катастрофы, но о современном мире я имела очень смутные представления. Недоумение и даже ужас воспитателей вызвало открытие, что я молилась утром, вечером и перед едой. Мне это сразу запретили делать вслух, но только позже, под гипнозом, отучили молиться мысленно. Я устроила безобразный скандал, когда с меня снимали крестильный крестик: мне казалось, что меня лишают последней надежды когда-нибудь вернуться к привычной жизни с бабушкой. В длинный перечень моих отклонений от нормы была занесена и «патологически обостренная религиозность». Из-за этого позже мне не разрешали посещать даже Церковь Эволюции, к которой принадлежали в то время ученики всех школ. И, конечно, с первых минут моего появления в школе педагоги и врачи заметили, что у меня не было персонального кода. Моя мать растерялась и смутилась: ей пришлось объяснять, как это случилось, что девочка в одиннадцать лет все еще не удостоена посвящения Мессии, а значит, не является полноценным человеком! Мать попыталась объяснить особое положение моей бабушки и оправдаться тем, что я была до сих пор в руках полубезумной старухи. Меня тут же отвезли в ближайшую регистратуру и там, невзирая на мои крики и протесты, сделали мне укол и под наркозом все-таки поставили печать на мою правую руку. С этого момента мое буйство прекратилось, и я покорно переносила все, что со мной делали воспитатели и врачи. Из моей памяти почти безболезненно убрали все лишнее, неправильное, что отличало меня от нормальных детей. К сожалению, вместе с действительно вредными и лишними блоками памяти удалены были все воспоминания о моей жизни с бабушкой и дедом. Я сохранила в памяти только лицо бабушки, а деда совсем не помнила и даже не узнала его на фотографии, которую увидела много позже в бабушкином доме.

Врачам и воспитателям адаптационной школы пришлось трудиться над моим перевоспитанием почти год, прежде чем матери разрешено было перевести меня в нормальную школу.

Бабушка считала, что она оплачивает мое обучение в каком-то привилегированном закрытом лицее. Мать деньги получала на свой счет, но отдала меня в обычную бесплатную школу-интернат: она не хотела, чтобы я продолжала жить с ней. Мать вовсе не была ни жестокой, ни жадной, просто я ей очень мешала, а деньги были очень нужны. Она иногда приезжала ко мне, привозила сладости, сувениры и щебетала что-то о своих успехах в любительских спектаклях, которые они ставили сами для себя с другими актерами. Она неприятно шелестела своими нарядами и обдавала меня удушающим запахом духов и косметики. Мне, уже привыкшей к современной одежде и общепринятым правилам гигиены, было неудобно перед воспитателями и соучениками за ее архаичные наряды, так похожие на реальные, за ее ужасные длинные волосы и раскрашенное лицо. Соученицы дразнили меня, утверждая, что моя мать носит платья из натуральных тканей и не выбрасывает их после носки, а стирает, как в древности, и носит месяцами, если не годами. Это было обидно и стыдно слушать, потому что это была правда. Еще несносней была ее привычка приставать ко мне с объятиями и поцелуями. В конце концов я пожаловалась на это классной надзирательнице, и матери было рекомендовано уважать мое право на личную моральную и физическую неприкосновенность. Она стала реже навещать меня, а каникулы я проводила в детских лагерях, так что мы все больше отдалялись друг от друга. Когда я закончила обучение в школе и перешла в колледж, она объявила, что пора нам каждой жить своей жизнью, перевела на мой счет сотню планет и на этом свой материнский долг посчитала исполненным. Позже она вспоминала о моем существовании только тогда, когда в ее жизни наступал очередной любовный крах: она вдруг появлялась на моем персонике с заплаканными глазами, жаловалась на судьбу и просила не забывать о ней. Я выражала ей сочувствие и уверяла, что она по-прежнему молода и красива. Потом у матери начался очередной роман, и она, слава Мессу, обо мне опять надолго забывала. Мать никогда не жила в настоящей Реальности, она пыталась из своей жизни сделать Реальность, и у меня это вызывало брезгливость: ее любовники подолгу жили с ней в одном помещении, прикасались к ней, ели с ней за одним столом и даже спали в одной кровати! Я это видела в то время, когда

мы жили на одном «Титанике». Может быть, именно из-за матери я не хотела близких отношений ни с кем из мужчин даже в Реальности, хотя прекрасно знала, что вне Реальности ни одна молекула их тела никогда не приблизится к моему настоящему телу.

Окончив школу, я пошла в колледж, избрав трудную, но уважаемую профессию декоратора Реальности. Как известно, многие люди, выбрав для своего существования Реальность, часто совершенно не имеют представления о том, как эта Реальность должна выглядеть. Мы, декораторы, создаем декорации, на фоне которых наши клиенты могут проживать свою Реальность в соответствии со своими желаниями. Иногда моя работа бывает интересной, если вдруг приходит заказ на нечто неординарное, но чаще приходится работать на массового потребителя. Это роскошные квартиры, виллы, отели, служащие фоном для любовных романов. Для любителей острых сюжетов – американские западные городки, джунгли, необитаемые острова или обитаемые планеты. Для высоких реалистов, требующих, к примеру, максимально точного воспроизведения римского Форума или московского Кремля, работают специалисты первой категории. Там царит узкая специализация по эпохам и странам, эти реалисты имеют доступ к историческим архивам, читают книги и смотрят кинофильмы. Почти все они имеют первую или вторую категорию служащих, а месячный заработок у них доходит до сотни планет. Ну а я работник четвертой категории и получаю четверть этой суммы. Но есть одно важное для меня преимущество в этом скромном положении: в отличие от высоких реалистов я не должна ездить ежедневно на работу в один из отделов министерства Реальности и трудиться там под жестким контролем; мой скромный вклад в мир Реальности я осуществляю дома, не отходя от своего персоника. Контроль надо мной состоит лишь в том, что я должна два часа в день семь дней в неделю провести за созданием декораций к чужим Реальностям, а затем переправить все мной наработанное в Банк-Реаль. Все остальное время, за исключением еды, сна и туалета, я по большей части провожу в своей собственной Реальности. Иногда я выхожу на палубу или даже беру мобиль и еду в Старый Лондон. Обычно это бывает в пятерик, мой личный еженедельный день отдыха, или в восьмерик – всеобщий день отдыха. Отпуск у меня два раза в году, летний и зимний, и оба я провожу почти всегда у бабушки. Она по-прежнему живет в Баварском Лесу, только теперь уже не на холме среди лесов, а на маленьком островке в Дунайском море.

С бабушкой я встретилась четыре года назад на похоронах моей матери. Смерть матери была логическим завершением ее капризной и безалаберной жизни. Она заболела гриппом, осложнившимся гайморитом. Страдать она не хотела и не умела: ее выводили из себя и боль, и насморк, и необходимость терпеть уколы и принимать лекарства. В больнице она изводила врачей и сестер, с посетителями капризничала. В конце концов она вызвала меня, сообщила адрес бабушки и велела связаться с ней: «Скажи моей матери, что я умираю и хочу проститься с ней». Я подумала, что она, как всегда, играет роль, и отправила бабушке очень короткое послание, сообщив в нем, что ее дочь София Саккос больна и хочет ее видеть. Это послание я почему-то даже не подписала, наверное, боялась, что мне будет стыдно перед какой-то незнакомой старухой, когда все окажется очередным фарсом.

А мать действительно решила умереть. Она пригласила в больницу своих полинялых поклонников и престарелых друзей-актеров, чтобы устроить трогательный вечер Последнего Прощания – обряд, который часто устраивают для себя и своих близких кандидаты на эвтаназию¹.

Я присутствовала на этом вечере и с удивлением слушала проникновенные хвалебные слова в адрес матери, произносимые ее друзьями под тихую траурную музыку. Мать сидела в

¹ «Эвтаназией называется всякое действие, направленное на то, чтобы положить конец жизни той или иной личности, идя навстречу ее собственному желанию, и выполненное незаинтересованным лицом» (из определения Голландского законодательства; закон о легализации эвтаназии принят в ноябре 2000 г. парламентом Голландии; на эвтаназию имеет право каждый гражданин Голландии с 16 лет). Русская Православная Церковь на Юбилейном Архиерейском Соборе в августе 2000 г. заявила: «Церковь <...> не может признать нравственно приемлемым распространение ныне в светском обществе попытки легализации так называемой эвтаназии, то есть намеренного умерщвления безнадежно больных (в том числе по их желанию). <...> Эвтаназия является формой убийства или самоубийства».

инвалидном кресле, одетая в какие-то яркие тряпки из природных тканей, увешанная драгоценностями, и без конца сморкалась в гигиенические салфетки, притворяясь, что делает это не из-за насморка, а от обильных слез умиления. Потом друзья подходили к ней по очереди, мужчины целовали её руку, а женщины прижимались щеками к ее щекам, имитируя поцелуи. Мужчинам она дарила свои фотографии, а женщинам – драгоценности, снимая их одну за другой. Получив памятные подарки, друзья скромно удалялись. Когда мы с матерью остались вдвоем, она поискала, что бы такое и мне оставить на память, но все уже было ею роздано, и тогда она сказала слабым и замирающим голосом: «Тебе, дорогая, я оставляю мою любовь. А теперь уходи, я очень устала». Она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Я была уверена, что, насытившись вниманием друзей и получив от них запас энергии, на завтра мать проснется бодрой и уверенной в себе, забудет обильные слезы и прощальные речи, разве что пожалеет о том, что снимала с себя драгоценности и раздавала их подругам. Поэтому я спокойно попрощалась с нею и вышла из палаты.

Придя к ней в больницу на следующее утро, я узнала, что мать уже перевели в отделение эвтаназии. Оказывается, измученная гайморитом, она потребовала немедленного прекращения своих страданий, и ее просьба об эвтаназии была удовлетворена, ведь ей было уже за сорок. Меня попросили подождать в приемной отделения. Я думала, что еще увижу мать и попытаюсь отговорить ее. Но вместо этого ко мне вышел служитель в черной форме с чемоданчиком в руке. Он сказал мне, что произведена уже не только эвтаназия, но и кремация, и сейчас осталось только поехать на Траурную набережную, где прах моей матери будет предан воде. Большой черный мобиль траурной службы был набит вчерашними гостями моей матери. Я предпочла ехать следом на своем мобиле.

На специально отгороженном участке набережной служитель раскрыл свой чемодан и вынул из него небольшой стальной ящичек. Он поставил его на кубическое возвышение из гранита. Все подошли и столпились вокруг. Я прочла на крышке:

Актриса София Саккос

1985–2027

Собрались все те же актеры, подруги и поклонники матери, что были на вчерашнем вечере. Лишь одно лицо показалось мне новым – высокая старая леди с копной белоснежных волос. Я пригляделась и мысленно ахнула – это была моя бабушка! Я сразу ее узнала, хотя с момента моего похищения из Баварского Леса прошло уже так много лет. Я растерялась и не знала, что делать. Тут снова зазвучали прощальные речи. По-моему, друзья матери повторяли то, что говорили накануне. Неприятны были и они сами, и их речи: они играли, они изображали самих себя, опечаленных смертью матери, но настоящего горя никто из них не испытывал. «Черт побери, ты просто не имеешь права умирать такой молодой, такой красивой!» – говорил вчера матери один из ее прежних любовников. «Черт побери, она просто не имела права умирать такой молодой, такой красивой!» – говорил он сегодня с той же заученной интонацией. Они все казались наполовину мертвыми, ведь многим было уже под пятьдесят и даже больше. И как ни странно, рядом с ними древность моей неожиданно появившейся бабушки производила впечатление какой-то реальной старости, сказочной и опрятной. Она не плакала, но ее лицо выражало непритворное горе.

«Сколько ей может быть лет? – размышляла я, искоса поглядывая на нее. – Семьдесят? Восемьдесят?» – потом я узнала от бабушки, что ей было тогда 82 года. Она явно не пользовалась косметикой, не красила белоснежных волос, но румянец у нее был настоящий и глаза блестели. Мне вдруг захотелось подойти и представиться, так я и сделала.

Услышав мое имя, она ахнула и протянула ко мне руки, как будто хотела меня обнять на виду у всей собравшейся публики. Я заметила у нее на руках старомодные белые перчатки и поняла, что прикосновение ее рук не грозило мне контактом с чужой кожей. Позже я узнала, что перчатки эти были изготовлены из тонко выделанной козьей кожи, так называе-

мой «лайки», но тогда они позволили мне проявить готовность, по крайней мере внешнюю, к близкому контакту; я взяла бабушку за руку и держала несколько секунд, сказав при этом по-русски, хотя и не очень уверенно: «Здравствуй, бабушка! Я очень рада тебя видеть. Как ты поживаешь?» Старушка так и просияла.

Я сознавала, что мною движет асоциальное чувство жалости, но, видимо, психотерапевты адаптационной школы не до конца выскребли мои детские воспоминания – вот даже русские слова выпрыгнули из памяти. Да и смерть матери на меня подействовала удручающе: я смотрела на свою старенькую бабушку и думала, что с сегодняшнего дня у нее на свете не осталось никого, кроме меня.

После похорон мы еще долго стояли с ней на опустевшей набережной и разговаривали, уже перейдя на планетный, по-бабушкиному – на английский. Я рассказала о моей жизни с матерью и ее любовниками, о школьных годах и о своей теперешней жизни. Бабушка сказала, что никогда не считала меня предательницей и тосковала по мне. Почему-то для меня это в тот день казалось важным, и мне захотелось поддерживать с ней отношения, хотя вообще-то я никогда не позволяю людям навязывать мне свое общество вне Реальности. Я сказала бабушке, что рада ей и не хочу снова потерять ее. В ответ она пригласила меня прямо сейчас поехать с нею в Баварский Лес. У меня были деньги на счету, подходило время очередного летнего отпуска, и я согласилась, хотя мне очень страшно было думать о возвращении в дом, воспоминания о котором были стерты из моей памяти. К тому же я понимала, что сам факт очистки моей памяти от бабушки лучше скрыть. Но все оказалось не так страшно: мудрая моя бабушка умела жить настоящим и прошлое, свое и мое, без особой надобности не ворошила. Она только иногда удивлялась моей плохой памяти.

Вот с той поры я и бываю у нее более-менее регулярно, зимой и летом, но деньги на поездку к ней коплю заблаговременно, не желая, чтобы они еще раз встали между нами. Но что же мне делать сейчас, когда денег явно не хватает, а просить у нее я не хочу?

Я рассказала о моей кровной семье, от которой у меня осталась только бабушка. Но ведь у меня есть еще одна семья – реальная! Это мои друзья из старого замка. И если не считать бабушки, именно они и есть моя настоящая семья. Придется рассказать и о них.

До моего случайного прихода в Старый замок я посещала другие Реальности: встречалась с моими ровесниками на обычных вечеринках, путешествовала по разным экзотическим странам, пускалась в романтические приключения и даже играла в войну. Но ни в одной компании я не заводила близких друзей и не стремилась к этому. Меня раздражало, что почти все реалисты тупо следовали разработанному для них сценарию, проявляя свою индивидуальность только в выборе костюмов, причесок и партнеров в любовной игре. Когда я предлагала им новое приключение, они недоумевали: «Но ведь этого нет в сюжете!»

Однажды я получила задание разработать интерьер для Реальности «Камелот, рыцари Круглого стола». Заказ был индивидуальный, то есть кто-то создавал новую Реальность, а не использовал готовую из Банк-Реаля. Это обещало мне дополнительный заработок. Мне вручили код, я послала по нему запрос и получила приглашение войти.

Надев на голову обруч, я оказалась в каменном зале, где за большим круглым столом сидели два молодых человека в железных латах. Интерьер зала являл собой настоящую мешанину из предметов разных эпох и стран: пол был из наборного паркета, на стенах висели персидские ковры и портреты маслом, а между ними – африканские луки и кремневые ружья. Почему-то отапливалось это помещение огромной русской печкой.

Я поздоровалась и представилась.

– Сандра Саккос, декоратор. Я получила заказ на оформление вашего замка.

– Я король Артур, а это рыцарь Ланселот. Мы решили создать Реальность для романтически настроенных мужчин. Нам надоели перестрелки и путешествия по планетам с говорящими грибами и тупыми молчаливыми красавицами, а больше всего нам надоели пошлые

любовные истории. Но я думаю, что произошла ошибка и мы должны просить у леди прощения за ложный вызов. Нам нужен декоратор-мужчина, не правда ли, Ланс?

– Не спешите с ответом, доблестный Ланселот Озерный: поспешность в столь серьезном деле может привести к ошибке столь же серьезной. Вспомните горестную историю не менее храброго рыцаря Тристана: если бы в один жаркий полдень он не поспешил выпить из первого попавшегося кубка, сколь многих бед избежали бы и он, и благородный король Марк, и несравненная Изольда Белокурая.

Гремя железом, оба вскочили с обитых парчой садовых скамеек.

– Ланс, ты слышишь? Она знает твоё полное имя!

– И причину любви Тристана к Изольде! Откуда вы это знаете? Вас этому специально обучали?

– Да, меня этому учили, – скромно сказала я, имея в виду вовсе не колледж, а мою бабушку.

Дело в том, что моя бабушка постоянно читала книги и считала, что человек не может считаться образованным, если он не прочел все знаменитые книги древности. Читать я категорически отказалась по соображениям гигиены – брать книги голыми руками! Тогда бабушка стала мне пересказывать содержание книг, которые считала обязательными для полного образования молодой леди. Не скажу, чтобы мне это было неинтересно, скорее наоборот. Книжки – что! Она еще заставляла меня просматривать на допотопном электронном устройстве фильмы по искусству прошлых эпох. Конечно, то и другое мне здорово помогало в работе. Честно говоря, за время отпусков последних четырех лет я получила знаний намного больше, чем за годы обучения в колледже. Попутно она обучала меня русскому языку, читая мне вслух перед сном русских классиков. Но, конечно, я никогда и никому об этом не рассказывала. Промолчала я и тогда.

– Прекрасная Сандра, вы нам подходите! – важно сказал Ланселот.

– Вы хотите сказать, что не отказываетесь от моей помощи в реконструкции интерьера вашего замка?

– Нет, не только. До сих пор мы не приглашали в нашу Реальность девушек, но мне кажется, Артур, нам пора сделать исключение. Что скажет мой король?

Артур откашлялся, приосанился и произнес с подобающим моменту величием:

– Не хотите ли вы, прекрасная леди Сандра, войти в нашу Реальность и принять участие в полной приключений жизни рыцарей Круглого стола?

– Я не прочь попробовать. Только где же все остальные рыцари?

– А они разбежались. Наша Реальность не пользуется успехом. Порой кто-нибудь заглянет к нам в Камелот, привлеченный необычным названием, покрутится, поскушает и убегает в другие Реальности.

– А чем вы занимаетесь?

– Ну... мы сражаемся на мечах и шпагах, правда, в основном друг с другом. Еще мы воюем с великанами, драконами и злыми волшебниками. Но это все фантомы. Нам еще ни разу не удалось вызвать настоящего волшебника.

– С фантомами скучно, – добавил Ланселот, – ведь они действуют и разговаривают только по нашей программе, не делая ни одного самостоятельного движения.

– Да, это ужасно скучно. А вы хотите увидеть настоящего волшебника?

– Конечно! А вы умеете вызывать?

– Меня этому учили. Надо только правильно задать основные признаки, тогда Банк-Реаль находит персонажей, созданных раньше реалистами высоких категорий с использованием древних источников информации. Подобные персонажи уже не зависят от готовой программы или ваших фантазий, а имеют собственные личностные качества: внешний облик, характер, историю, язык и манеры. Они подчиняются не капризам игроков Реальности, а пер-

сональной логике поведения, при этом приобретая и накапливая свой собственный опыт в тех Реальностях, куда их вызывают. Вот поэтому их и зовут «персонажами» или «персонами», а не «фантомами». Но мы начнем, пожалуй, не с вызова волшебника, а с поправки интерьера: у меня для вас только два часа рабочего времени, а работать бесплатно я не могу. Костюмы ваши еще ничего, но этот зал да и весь замок в целом нуждаются в реконструкции. Как я понимаю, вас волнует не столько дотошное следование истории, сколько общий дух эпохи, иначе вы бы вызвали декоратора первой категории.

Мои заказчики переглянулись, и я поняла, что декоратор первой категории им просто не по карману. И, пожалуй, до сих пор единственное, что я знаю о жизни Артура и Ланса вне Реальности, это то, что оба они небогаты.

– Начнем с отопления. Вот это громоздкое сооружение называется «русская печь». Оно совершенно не подходит ни к одной из рыцарских эпох: в России рыцарей не было.

– Неужели? – удивился король Артур. – А я слышал, что русские очень воинственны.

– В России были богатыри, так вот они иногда использовали русскую печь как средство передвижения.

– Надо же, какая любопытная технология!

– Во всяком случае, мы ее уберем, – взмахом руки я упразднила печь. – В соответствии с подлинной эпохой короля Артура здесь надо было бы разместить огромный открытый очаг, но дым и копоть быстро вам надоедят и затмят в ваших глазах ценность исторической достоверности. Поэтому предлагаю камин из грубого камня, с дымоходом, конечно, который топится крупными поленьями. Вот такой, например.

Я быстренько создала подходящий камин, и он сразу же понравился и Артуру, и Ланселоту.

Получив одобрение, я принялась за работу. Персидские ковры уступили место выцветшим гобеленам, а масляные портреты – гербам, оленьим рогам и кабаньим головам. Исчезло огнестрельное оружие, вместо него на стенах появились копья, мечи, щиты, а по углам зала я расставила рыцарские латы. Я предложила создать несколько крупных собак-фантомов и кормить их остатками мяса со стола. Собаки тоже понравились.

Потом мы вышли во двор замка, и я воздвигла вместо чугунной ограды высокую каменную стену с зубцами и башнями, навела вокруг стены ров и заполнила его водой, а перед воротами устроила подъемный мост. На башнях поселила двух фантомных мальчиков-герольдов, которые должны были трубить в трубы, извещая об опасности или о прибытии гостей. В одной стороне двора я поместила колодец с воротом, а в другой – огромную дубовую коновязь. Крышу и углы донжона, а также угловые башни стены я буквально облепила башенками со шпильями и флюгерами, на самом высоком шпиле водрузила штандарт короля Артура – золотого дракона на лазоревом поле. Когда оплаченное время моей работы подошло к концу, замок имел почти теперешний свой вид. Король и его рыцарь ликовали, как мальчишки.

Закончив работу, я вышла из Реальности, отчиталась перед Управлением труда, а потом снова вернулась в замок. Артур и Ланселот на этот раз встретили меня с искренней радостью, и я вызвала им настоящего волшебника Мерлина. Огромный старичина с большой бородой, в холщовой рубахе до пят и кожаном, дурно пахнущем плаще мрачно оглядел нас и спросил:

– Кто вы такие, государи мои, и что вам нужно от старого Мерлина? Зачем вы нарушили мой покой?

– Я король Артур, а это мой верный рыцарь, сэр Ланселот Озерный.

Мерлин подбоченился, закинул голову, разинул рот с плохими зубами и громко, оскорбительно захохотал.

– И ты смеешь, взбесившийся кролик, называть себя королем Артуром? Или ты думаешь, я не помню моего воспитанника и повелителя, сына великого Пендрагона? За эту дерзость

стоит превратить тебя в блоху и запустить в шкуру твоей собственной собаки. Если у тебя, ничтожество, есть хотя бы собственная собака, кроме этих заводных игрушек!

Артур растерялся, а Ланселот дрожащей рукой стал вытягивать меч из ножен. Я остановила его жестом.

– Высокомудрый Мерлин! – обратилась я к волшебнику. – Прости, что мы, смертные, потревожили твой сон, и умерь твой гнев, хотя он и справедлив. Но справедлив он только на первый взгляд! Конечно, этот юноша не «бешеный медведь», но он и не «взбесившийся кролик». Эти достойные молодые люди и в самом деле не те король Артур и сэр Ланселот, которых ты знал. Но они и не самозванцы, как тебе подумалось. Они явились сюда из другого времени, можно сказать, из другого мира, где любители старины высоко почитают благородство и храбрость живших когда-то на земле подлинных Артура и Ланселота; в их честь, а не в поругание, как тебе показалось, они взяли себе их имена, надеясь будущими подвигами хотя бы отчасти оправдать такую дерзость. И тебя, достославный волшебник Мерлин, мы захотели увидеть в нашем Камелоте лишь потому, что и до нашего мира дошла слава о твоей мудрости и волшебном могуществе.

Мерлин пристально поглядел на меня.

– Прекрасная и разумная дева, я чувю в тебе силу и особое твое предназначение. Эти, – он кивнул в сторону Артура с Ланселотом, – твои, как я понимаю, сподвижники?

– Да, мудрейший Мерлин.

Он отвесил слегка небрежный поклон королю и рыцарю.

– Чего же ты хочешь от меня, дева?

– Я хотела бы заручиться твоей дружбой на будущее.

– Ты ее получишь, – он пристально взгляделся в мое лицо, – леди Сандра. Ты знаешь, как меня вызвать. Мы еще увидимся с тобой. Прощай!

Мерлин исчез, а оба моих новых друга, придя в себя, тут же заявили, что не выпустят меня из замка, пока я не соглашусь присоединиться к их Реальности. И я согласилась.

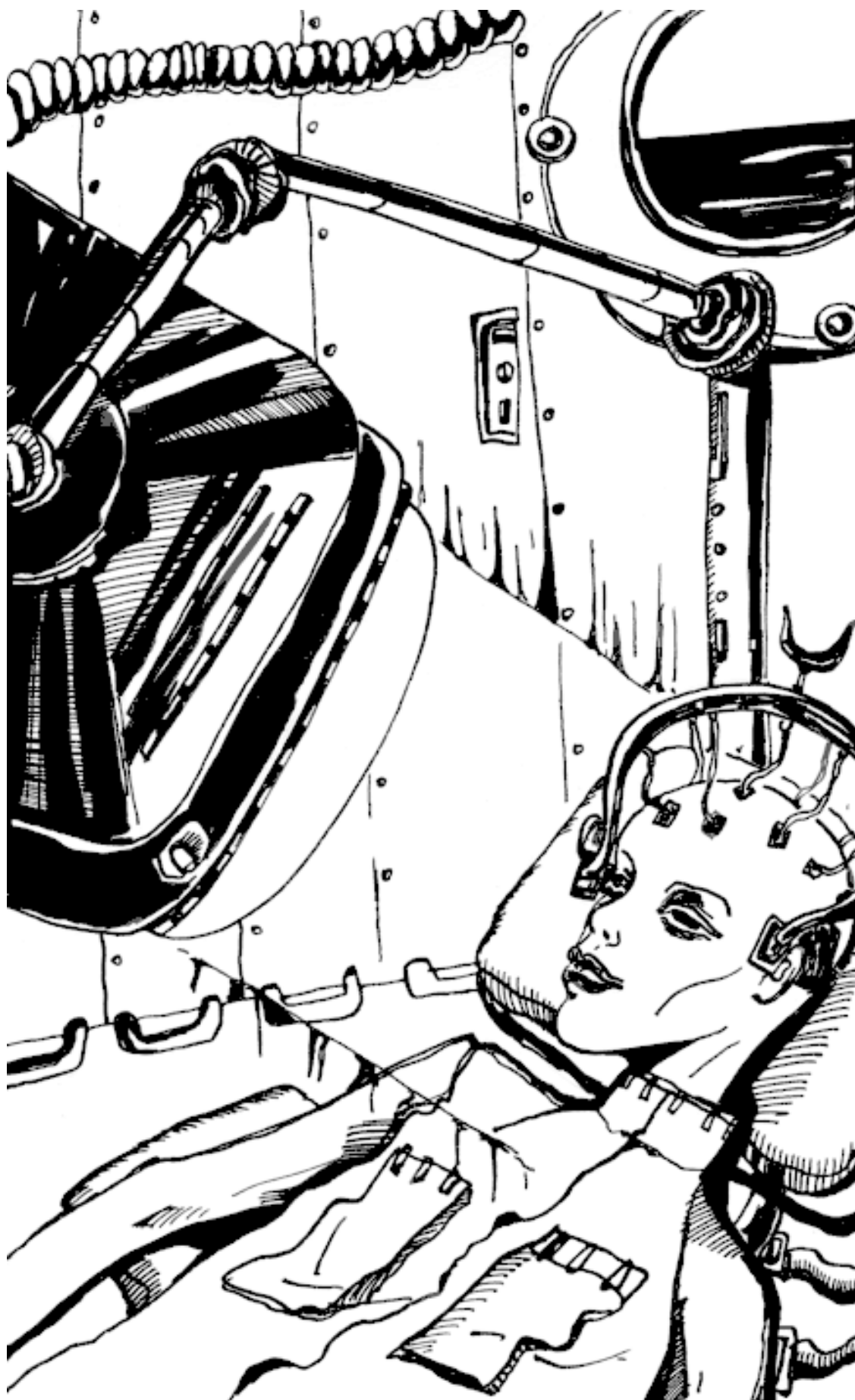
До этого случайного посещения рыцарского замка я уже перепробовала множество Реальностей – от самых экзотических до изысканно утонченных – но ни в одной из них не задержалась. Мне было в них скучно и как-то... грязно. В Артуре с Ланселотом было что-то такое, что позволяло надеяться создать Реальность, где можно жить весело, но это веселье не будет доходить до безумия, где будет много игры, в том числе любовной, но без секса, где будет много воздуха и движения, но без агрессии и жестокости. И нам это постепенно удалось, потому что были и кроме нас чудаки, искавшие в Реальности черты доброй старой сказки. Через полгода Артур уже знал, что его имя означает Бешеный Медведь, а Ланселот умел по четверти часа говорить с Мерлином, не навлекая на себя его гнева каким-нибудь анахронизмом.

Со временем нас стало больше. Кто-то приходил, кто-то уходил, но нас всегда было не меньше семи и не больше двенадцати. Сейчас в старом замке обитали неизменные Артур с Ланселотом, девушки Изольда и Энея, поэт Мэрлок, толстяк Генрих, ленивый красавчик Парсифаль, мой верный Эрик и я. Девять друзей. Моя семья. С ними я проводила большую часть моей жизни.

Конечно, утром я просыпалась в шесть часов по сигналу, как и все планетяне. Я принимала душ, одновременно проверяя давление, пульс и прочие показатели здоровья на диагностике, помещенном в полу гигиен-комнаты: если индикатор, укрепленный в стене вровень с моими глазами, выдавал какое-то отклонение от нормы, я принимала лекарство или витамины по его совету. Потом я одевалась, выпивала свой утренний энергетик и ровно в семь часов подключалась к Всеобщей программе. Я со всеми вместе пела Гимн и смотрела утренние новости. Затем я переключалась на свою рабочую программу и в течение двух часов выполняла посту-

павшие заказы, а по окончании работы отсылала отчет в Управление труда. С этого момента я была свободна.

Я выбирала из сегодняшнего меню на пульте еды какое-нибудь простое и питательное блюдо, получив контейнер, тут же съедала свой заказ, часто даже не разогревая, быстро выпивала витаминизированный напиток-энерген и уходила в любимую Реальность до вечерних новостей в девятнадцать часов. Если бы просмотр новостей не был обязательным для всех, я думаю, что многие пропускали бы вечернюю программу, ведь она длилась вдвое дольше утренней и заканчивалась около двадцати часов. Каждый восьмерик, поскольку это был общий выходной, программа начиналась на два часа раньше за счет постоянной и любимой всеми передачи «Неделя Мессии». Во время ее просмотра я заодно ужинала и сразу же после вечернего исполнения Гимна снова отправлялась к друзьям, иногда до самого утра. В такие ночи я даже спала в Реальности: как и у всех, у меня были в замке собственные покои. Я замечала, правда, что сон в Реальности не был полноценным и немного расшатывал здоровье, но иногда так не хотелось вместо милого замка оказаться прикованной страховочным ремнем в своем кресле-кровати, в узкой комнате-каюте без окон, где все время слышен надоевший плеск волн о стальной борт «Титаника».

Мы не смешивали Реальность с обыденной жизнью, не встречались и не интересовались жизнью друг друга за пределами Реальности – это не запрещалось правилами, но это было не принято. Артур и Ланселот, возможно, помнили, что когда-то я пришла в замок по их вызову как декоратор, но даже Эрика, который был в меня влюблен, никогда не интересовали моя бытовая внешность, возраст и профессия. Мы никогда не говорили о современной политике, а когда кто-нибудь вдруг надолго исчезал из игры, мы не имели возможности навести об исчезнувшем справки. Мы не знали, кто из нас в какой стране и в каком городе живет и как кого зовут. Я назвалась своим настоящим именем в день своего появления в замке, и так это осталось, но все другие имена, как я подозреваю, были только реальными. Разговаривали мы всегда только на планетном, то есть на всем доступном языке. И вот теперь я решила рискнуть – сблизить Реальность и действительность и обратиться за помощью к своим друзьям.

Я надела обруч и вернулась во двор рыцарского замка. Уже стемнело, и окна на втором этаже донжона призывно светились. Я поднялась с шершавого бревна коновязи, поежилась от холода и быстрым шагом направилась туда, где меня ждали мои верные друзья и подруги.

Мне показалось, что без меня в пиршественном зале ничего не происходило, – все сидели на своих прежних местах и, похоже, опять начали скучать.

– Где ты пропадала? – спросил Эрик с оттенком раздражения.

– Можно сказать, что нигде и везде. Я сидела на коновязи и вспоминала свое прошлое. А перед этим меня вызвала по персонику моя бабушка, и я немного поговорила с ней. Друзья мои, я хочу кое-что сказать вам и попросить вашей помощи!

Все встрепнулись.

– Говори, Сандра, – сказал Артур. – Нам уже осточертело без конца гонять кубки по кругу и кормить собак. Без тебя никто не может придумать ничего путного. Что за беда с тобой случилась и какое нас ждет новое приключение?

– Это не приключение. Моя старенькая бабушка живет на одном из островов Дунайского моря. Это группа островов, которая называется Баварский Лес. Я должна немедленно отправиться туда, чтобы ухаживать за бабушкой, которая сломала шейку бедра и вынуждена лежать в постели. Дорога туда далека и дорого стоит. Кто-нибудь из вас может одолжить мне денег на дорогу?

– О чем разговор! Вот, возьми, пожалуйста, – сказал мой Эрик, все еще немного сердитый, и кинул на стол свой кошелек – туго набитый золотом кожаный мешочек.

Что тут началось! Наши рыцари наперегонки стали швырять на стол золотые монеты, а Генрих тоже бросил кошелек. Энея сняла с себя кольцо с большим алмазом и бросила на середину стола, а Изольда аккуратно сняла серьги и протянула их мне.

– Вы не поняли. Речь идет не о старинных золотых монетах или бриллиантах. Мне нужны настоящие деньги.

– То есть бумажные деньги? – удивился Генрих. – Но какие именно, какой страны и какого периода? И для чего они тебе нужны, объясни, пожалуйста. Ты что, хочешь, чтобы мы перешли в другое время? Но зачем?

Я снова принялась объяснять ситуацию: бабушка больна, я должна ехать к бабушке... Меня перебил Генрих.

– Кажется, я начинаю понимать. Как, ты говоришь, называется место, где живет твоя бабушка?

– Баварский Лес. Бабушка почти никогда не покидает своей усадьбы. Она очень стара, а я единственно близкий ей человек.

– Так, так, так... Старенькая больная бабушка... Баварский лес... А в лесу, конечно, живет страшный волк-людоед. Друзья, разве вам не нравится предложенный сюжет? Вы что, не узнаете его?

– Какой сюжет, Генрих?

Никто ничего не понял и я в том числе.

– Да это же сюжет про Красную Шапочку и Серого Волка! Мы все играли в него в детстве, когда еще только учились выходить в Реальность.

Все засмеялись. Кроме меня. Я была уверена, что не выходила в детстве в готовые сказочные Реальности; возможно, я тогда и персоника с обручем не видала. Может быть, сказку про Красную Шапочку мне и рассказывала бабушка, но я этого не помню. К сожалению, о своем раннем детстве я знаю только по ее рассказам, а всего ведь не расскажешь... Я вскользь подумала о том, что надо будет заказать этот сюжет в Банк-Реале. Пока же я просто промолчала.

– А что, недурная мысль – сыграть старый сюжет на новый лад, – сказал Мэрлок. – Красная Шапочка берет деньги в долг у друзей и едет навестить больную бабушку. В лесу она встречает Серого Волка – заколдованного принца-оборотня...

– Серым Волком буду, конечно, я! – Эрик подошел ко мне, обнял за талию и плотоядно облизнулся. Я сбросила его руку и сердито закричала:

– Почему вы никак не хотите меня понять? У меня действительно есть бабушка, и она больна на самом деле – не в Реальности, а в быту! Поняли теперь? Я должна лететь к ней в Баварский Лес, в ее усадьбу на острове в Дунайском море. А у меня нет денег, и мне нужны настоящие планеты – сто штук. Даст мне кто-нибудь их в долг или нет?

Все растерянно умолкли.

– Так ты это серьезно? – тихо спросил меня Эрик.

– Да, я говорю совершенно серьезно. Я прошу вас помочь мне и одолжить денег на дорогу.

– Но это... Это же не принято!

– Я лучше вас знаю законы Реальности, ведь это я работаю на Банк-Реаль! Нет ни одного параграфа, который бы запрещал нам иметь контакты в быту. Разве вы не знаете, что иногда люди влюбляются в Реальности, а затем женятся в действительности и даже заводят детей?

– О таких романах я слышала, – сказала Изольда. – Но я никогда не слышала, чтобы люди давали друг другу свои деньги... Ни в Реальности, ни в быту.

Генрих неуклюже поднялся из-за стола и подошел ко мне. Он взял меня за руку и заглянул в мои глаза.

– Сандра, ты знаешь, как я к тебе отношусь.

Я это знала. Он уже давно был безответно влюблен в меня. Это было трогательно, это всем нравилось, и Мэрлок даже сочинил об этом балладу.

– Так вот, дорогая моя Сандра, послушай моего совета: сегодня тебе лучше выйти из Реальности и дома вызвать психолога. У тебя что-то нарушилось в восприятии действительности. Это бывает, ты сама это знаешь как специалист. Тебе пропишут какие-нибудь таблетки или гипноз, и все пройдет. А мы будем с нетерпением ждать тебя обратно. Возвращайся к нам здоровой, веселой и без фантазий о больной бабушке. Договорились, моя радость? – и он нежно поцеловал мою руку.

– Сандра, милая! Мы все тебя любим, но помочь тебе может только врач! – воскликнула Энея.

– Знаешь, дорогая, я бы советовал тебе не вызывать врача, а просто уйти домой и хорошенько выспаться, – сказал Артур. – Я думаю, это встреча с драконом на тебя так повлияла. Ты слишком увлекающаяся натура. А еще я тебе советую...

Второго совета короля Артура я не стала слушать. Я пошла к дверям, сняла с головы корону и вышла из Реальности, на прощанье хлопнув дубовой дверью. Выходя, я успела краем глаза заметить, как на гаснущем экране сквозняк волной прошел по старинным гобеленам, так тщательно мною подобранным для пиршественного зала. Не знаю, захочу ли я вернуться к вам, любезнейшие дамы и великодушные рыцари!

Потом я сидела перед пустым экраном и делала то, чем частенько занималась в Реальности, но никогда не делала в жизни, – я плакала. Плакала долго, громко и беспомощно. От слез я совершенно потеряла голову и вызвала бабушку! Сморкаясь и всхлипывая, я все ей рассказала.

– И только-то? Санька, ты меня удивляешь! Тебе следовало сразу мне сказать, что у тебя нет денег на дорогу. Я сейчас же переведу на твой счет две сотни, чтобы ты могла освободиться от работы на все лето. Вызови меня, когда будешь выезжать.

– Подожди, бабушка! Еще один вопрос: кто такая Красная Шапочка?

– А ты разве не помнишь? Это была первая сказка, которую ты сама прочла по-русски. Вспомни-ка! «Жила-была девочка, звали ее Красная Шапочка...» Неужели не помнишь?

– Нет...

– Ну приезжай поскорей, расскажу. Жду тебя, милая!

Бабушка отключилась. Не столько от голода, сколько желая отвлечься, я подъехала к едальному столику и вызвала сегодняшнее меню. Я решила не экономить и заказала мясное блюдо. Сегодня это можно и нужно, ведь мне предстоит долгая дорога.

Я спокойно пообедала и уже допивала фруктово-мясной энерген, когда на экране появилось сообщение: «Управление труда уведомляет, что на Вашем счету в настоящий момент 232 планеты. Ваша просьба об отпуске удовлетворена».

Глава 3

Утром следующего дня, сразу же после передачи новостей, я отключила электропитание в своей квартире и спустилась в трюм, где находился гараж мобильных. Мой запыленный мобиль, которым я не пользовалась с декабря прошлого года, а сейчас стоял уже апрель, не хотел заводиться. Пришлось мне подняться на верхнюю палубу нашего «Титаника» и вызвать таксолет.

Когда я вышла на открытую палубу, мои глаза сразу же начало ломить от света. На такой случай я всегда держу темные очки в своей дорожной сумке, и я их надела. Однако это показалось мне странным, ведь было раннее утро и день стоял пасмурный. Наверно, мне следует обратиться к окулисту, подумалось мне, и сердце мое сжалось. Конечно, можно сделать пересадку донорских глаз: сейчас эвтаназируется много молодых девушек с хорошим зрением, заранее распродавших все свои органы. Глаза можно купить недорого, даже подобрать их заранее, еще при жизни донора, но некоторое время после пересадки нельзя пользоваться персоником более шести часов в день. Правда, сейчас я сердита на обитателей старого замка, но это вовсе не значит, что я собираюсь провести остальное время жизни в нереальном мире!

А нереальный мир был, как всегда, мокрым и неудобным. Я долго ждала таксолета под навесом возле контрольного поста, под самой камерой Надзора. «Титаник-В 32011», на котором у меня квартира, не так комфортабелен, как «Титаники» класса А, где есть бассейны, сады и стоянки для личных вертолетов. Слава Мессу, на моем лайнере есть гараж для мобильных, и я могу на своем мобишке объехать весь Лондон, переезжая с причала на причал, добраться до Лондон-Центра, побродить там среди настоящих деревьев и пластиковых зданий исторического Лондона, зайти на Траурную набережную и постоять у камня с именем моей матери. Но в гидропорт на мобишке ехать слишком долго, поэтому разумней было терпеливо дожидаться таксолета. Стоя на верхней палубе «Титаника», я оглядывала Лондон с его многокилометровыми причалами, возле которых стояли тысячи «Титаников», мерцающая рядами синеватых окошек квартир-кают: все лондонцы сидят сейчас в своих пусть и не слишком сухих и теплых, но надежно укрытых от непогоды каютах перед персониками и наслаждаются прекрасной погодой каждый в своей Реальности.

От нечего делать я стала прогуливаться под навесом, разглядывая приклеенные на столбах плакаты с надписью «Разыскиваются враги Мессии. Запомните их лица и немедленно сообщите Надзору, если сумеете их обнаружить. Награда – благодарность Мессии и год бесплатного пользования Реальностью или эквивалент в планетах». Под надписью рядами шли голографии и фотографии врагов общества. Большинство лиц носило явно выраженный дегенеративный характер, почти у всех, как у мужчин, так и у женщин, были длинные волосы, что делало их похожими на реальных персонажей, а это всегда неприятно вне Реальности. Слава Мессу, я живых асов никогда не встречала.

Наконец на палубу опустился таксолет. Водитель мне попался разговорчивый. Как только я села в пассажирский салон, он немедленно сообщил мне, что сегодня волнами разбит один из Сохо-причалов, где люди живут в старых военных кораблях, и там сейчас идут спасательные работы. Через некоторое время он поведал мне еще одну городскую новость: в нижних, подводных, этажах Лондон-Центра появились свирепые крысы-мутанты, и было зафиксировано уже несколько нападений на людей, живущих под Центром. Я ничего ему не ответила, подумав, что наши спасательные службы, безусловно, спасут всех, кого можно спасти у причалов Сохо, а экологисты найдут средство справиться с крысами-мутантами.

Наконец мы прибыли в гидропорт. Таксолет обошелся мне в пять планет. Я со злостью прижала большой палец к расчетной панели и нетерпеливо постукивала ногой, пока автомат считывал мой код и производил расчеты. Я была рада покинуть тесный таксолет и его болтливого водителя: за одну поездку он дважды обратился ко мне и оба раза без особой надобно-

сти! Несмотря на стеклянную перегородку, разделявшую нас, это было неприятно: казалось, что он дышит на меня, когда оборачивается ко мне и открывает рот, чтобы рассказать свои чудовищные новости.

Уже начиналось время отпусков, и авиатакси были нарасхват. Я почти целый день просидела в холодном зале ожидания, пока подошла очередь тех, кто летел в Баварию. Зато в авиатакси мне повезло: со мной вместе летели только трое пассажиров, так что мы смогли сесть через несколько рядов друг от друга. Стюардесса оказалась ненавязчивой, и за весь рейс до Нью-Мюнхена она только раз прошла по салону, незаметно оглядев пассажиров и не сказав ни единого слова.

Полет был недолг, он продолжался ровно столько, сколько шло вечернее выступление Месса и всепланетные новости. В салоне был большой экран, и приятно было видеть дорогое лицо Мессии таким крупным планом. Планета процветала, несмотря на стихийные бедствия и эпидемии – последствия Катастрофы. Экологи очищали планету от сорных растений на суше и в воде, от животных-мутантов и одичавших домашних животных. Борьба с асоциальными элементами шла повсеместно и подходила к концу. На заседании Мирового правительства обсуждалась возможность освободительного похода на Россию и было зачитано письмо европейских беженцев из Петербурга, умолявших Мессию спасти их и их детей от православия. Бедные, бедные русские! Что будет, если их Царь не пожалеет свой народ и не выйдет на переговоры с Мессом, уже не раз предлагавшим России отказаться от религиозных и политических заблуждений и войти в единое мировое сообщество, разделить общую судьбу человечества. Надо будет поговорить об этом с бабушкой.

Показали и лондонские новости. Волны разбились не один, а три причала в Сохо; множество старых, насквозь проржавевших военных судов, приспособленных под жилье после Третьей мировой войны, оторвалось от развалившихся причалов; они начали ударяться друг о друга, многие из них получили пробоины и затонули. Вид людей, плававших в воде, покрытой мусором и скарбом, между сталкивающимися судами, был ужасен. Но Служба спасения, как всегда, была на высоте, спасали главным образом женщин и детей. Очень трогателен был последний эпизод хроники: крепкий воин в красном комбинезоне эколога держал в одной руке маленькую девочку, а в другой – промокшую белую собачонку. Обе жались к нему и повизгивали, а спасатель сурово и ласково поглядывал то на одну, то на другую.

Перед Общим Гимном, как обычно, наш Мессия исцелил десять неизлечимых больных, избранных по жребию. Очень сильное впечатление на меня произвело возвращение верхних конечностей безрукому мальчику. Правитель обнял его за оголенные плечи и буквально вытянул из них две тонкие, еще слабые на вид руки. Мальчишка пошевелил пальцами, поднял руки к глазам, растерянно разглядывая их, потом громко закричал от счастья и обнял Месса за ноги – он был ему чуть выше колен. Великий Мессия наклонился, поднял мальчишку на руки и... поцеловал его! Никто из людей не мог бы совершить ни первого, ни второго чуда. Думаю, не только я, но и все планетяне после этой демонстрации сверхчеловеческой природы Месса пели Общий Гимн с особым воодушевлением. Я оглянулась: другие пассажиры тоже пели Гимн стоя, один из них, кажется, даже плакал.

Экран погас, объявили посадку. Я взглянула в иллюминатор и увидела огромное солнце, тоже шедшее на посадку между снежными вершинами Альп, торчавшими из туманной дымки. Вдали виднелись курящиеся вершины двух альпийских вулканов. Потом самолет вошел в туман, потому что и здесь, в Баварии, был такой же обычный пасмурный день, как и в Лондоне.

Перед Катастрофой столицей Баварии был старый Мюнхен, но он теперь покоился под водами Дунайского моря. Новая столица была перенесена в Альпы, на берега горного озера Зильвенштайн, в которое впадает река Изар. Прежде эта река вытекала из озера и добегала с гор до самого Мюнхена, чем очень гордятся жители Нью-Мюнхена: «Мы как жили в Мюн-

хене на берегу Изара, так и теперь живем!» Новая столица была спроектирована и построена бывшими баварцами разумно, функционально и красиво: одинаковые тысячеквартирные дома огромным амфитеатром располагались на каменных террасах вокруг светлого горного озера. Жители Нью-Мюнхена и его окрестностей имели в достатке чистую питьевую воду прямо в центре своей столицы, между тем как большинство обитателей планеты пользовалось восстановленной или привозной водой.

В Нью-Мюнхене были хорошие, но очень дорогие гостиницы: туристы ценили этот город и толпами приезжали сюда, чтобы полюбоваться чистыми водами озера и лежавшими ниже бесчисленными островками Альп, иногда поросшими лесом, чаще голыми или покрытыми снегом до самого лета. Правда, теперь, с постепенным нарастанием парникового эффекта, снега на вершинах гор оставалось все меньше и меньше, а к концу июня чистый альпийский снег уже весь стекал ручьями в зловонную воду Дунайского моря.

Гостиница разорила меня еще на десять планет, но ехать ночью по аквастраде я не решилась. Получив ключ от номера, я поднялась в него, приняла душ, довела с помощью таблеток свое давление до нормы и легла спать. Слава Мессу, я тотчас уснула, у меня даже не было соблазна выйти в Реальность перед сном, хотя мой маленький дорожный персоник был, конечно, со мной – я его всегда держу в дорожной сумке.

Утром я проснулась задолго до новостей и немного повалялась в широкой гостиничной кровати. Дома у меня есть кровать – узкая подвесная корабельная койка, прикрепленная к стене, но я почти никогда в ней не сплю, предпочитая свое откидывающееся кресло перед персоником. Потом я посмотрела новости, спела Гимн и роскошно позавтракала отварной форелью, благо в меню было указано, что эта рыба является достопримечательностью Нью-Мюнхена и выловлена в Изаре. Потом я спустилась к портье и заказала мобиле напрокат.

Уже в девять утра я вышла на улицу и уселась в кабину мобиле. Немного попетляв по городу под проливным дождем, я по указателям выехала на кольцевую аквастраду, а затем взяла направление на Баварский Лес.

Когда едешь по главным линиям аквастрады, то не видишь ничего, кроме других мобилей на своей и на встречной полосе и сетки железного ограждения по бокам и над головой. Совсем по-другому чувствуешь себя на боковых ветках, где движение, как правило, небольшое, сплошная сетка отсутствует и аквастрады имеют только низкое боковое ограждение: тогда впечатление такое, будто едешь низко над водой по нескончаемому мосту. Участки аквастрады упираются в острова и островки, оставшиеся от суши. Некоторые плотно застроены, другие еще остаются пустынными, зарастающими дьяволом, который постепенно вытесняет прежнюю растительность. Еще бы ему не вытеснять: ведь он растет, питаясь разлагающимися останками затопленной органики. Как выяснили ученые, дьявол основным корнем держится за почву, а боковые корни-насосы, длиной иногда с километр, протягивает под землей в направлении воды, спускает их на дно водоемов и там добывает питательные вещества для жизни. Мерзкое растение! Некоторые ученые утверждают, что дьявол постепенно очищает водоемы, но другие предупреждают, что со временем, когда иссякнет органика в подводном иле, растение-мутант научится добывать себе пищу непосредственно на суше, для чего ему придется научиться убивать людей и животных. Спаси нас от этого, Месс!

Дунайское море в этом году поднялось еще на несколько десятков сантиметров, но с того счастливого дня, когда мировое сообщество передало власть Мессии, новые затопления суши уже не приносят стольких бед. Жителей прибрежных районов своевременно переселяют, причем не просто помогают им перебраться повыше, как это было в разгар Катастрофы, а перевозят военными самолетами в отдаленные районы планеты, где специально для них строятся благоустроенные дома, вмещающие по несколько тысяч человек. Пока не все, конечно, получают отдельные комнаты для жилья, но зато сразу же по прибытии каждого переселенца обеспечи-

вают персоником, а также предоставляют работу по строительству новых домов и аквастрад. Они все счастливы и благодарны Мессии, я это сама видела в новостях.

Сеть аквастрад из-за наступления воды на сушу постоянно изменяется и перестраивается, поскольку прежние острова, служившие главными опорами для старых дорог, уходят под воду; приходится возводить множество новых бетонных и металлических опор, поддерживающих полотно аквастрад, а некоторые участки снимают за ненадобностью: исчезли населенные пункты, которые они прежде соединяли.

Я пристроила свой персоник на переднем стекле и внимательно следила за местной картой аквастрад, но все равно то и дело оказывалась на «оборвышах»: ветка аквастрады приводела меня на островок, откуда она уже никуда не вела, а упиралась в шлагбаум с надписью «Дальше дороги нет. Вернитесь на основную аквастраду». Я возвращалась и продолжала путь по другой ветке.

Но настоящую опасность представляют собой «гнилые аквастрады», которых в этом году появилось еще больше. Это участки аквастрад, у которых основания бетонных опор подмыло водой и под тяжестью железобетонного полотна опоры разошлись в стороны. В этих местах аквастрада висит низко над водой, а мутная зелено-желтая вода кое-где заливает само полотно. Мне приходилось выбирать одно из двух: либо ехать прямо по воде, надеясь, что она не зальет мобиль выше половины колес, что грозило остановкой двигателя, либо задом возвращаться к ближайшему повороту на другую ветку. Хуже всего, что в первом случае невозможно было определить, а цела ли дорога под покровом воды, нет ли на ней провалов и больших трещин? Как правило, выбор делал за меня стоп-сторож: его датчики определяли опасность, оценивали ее, и в случае серьезной угрозы стоп-сторож просто останавливал мобиль. Но и он мог ошибиться, поэтому я старалась вовремя издали заметить знак, предупреждающий о том, что впереди «гнилая аквастрада», и свернуть на другую ветку, не приближаясь к опасному месту. Конечно, все это не ускоряло моей езды.

По дороге я пережила приключение, которое решила потом обработать и продать в Банк-Реаль для использования в кошмарниках. Я была уже недалеко от Баварского Леса, когда мне страшно захотелось пить. В баре мобилиа оказался только фруктово-рыбный энерген и апельсиновый сок, от которого у меня аллергия, а до бабушки было еще ехать и ехать. По карте я определила, что где-то рядом есть развилка дорог, а при ней – дорожная гостиница с рестораном и баром. Доехав до обозначенного места, я оказалась на небольшом плоском островке, где кроме гостиницы не было никаких других строений, и почти весь остальной остров был покрыт зарослями дьяволоха выше человеческого роста. Уже начало темнеть, и эти заросли были окутаны пугающим мраком; крупные пурпурно-черные верхушки качались на ветру, стукались друг о друга и скрежетали колючками. На стоянке возле гостиницы не стояло ни одного мобилиа, в окнах не было света, и только вход и окна ресторана на первом этаже были ярко освещены. Я вышла из мобилиа и пошла к дверям. И тут из кустов навстречу мне вышел человек. От неожиданности я замерла на месте.

– Не бойтесь меня, – сказал он сиплым голосом. – Я не сделаю вам ничего плохого, я только прошу о помощи.

Он вышел на свет и дал себя разглядеть. Я увидела высокого старика, чудовищно неопрятного, бородатого, в шляпе с обвисшими полями и с палкой в руке. Рядом с ним шла большая серая собака, такая косматая и грязная, что свалывшаяся длинная шерсть на ней казалась каким-то собачьим рублищем. Оба остановились шагах в десяти от меня, но даже на таком расстоянии я почувствовала исходившую от них вонь, заглушавшую горько-сладкий запах дьяволоха.

– Сядь, Принц! Видишь, дама тебя боится, – сказал старик, и жалкое страшилище послушно уселось у его ног.

– Что вам от меня надо?

– Ничего кроме еды. Мы с Принцем уже два дня не ели. Он стар и не может поймать даже хромого мышонка. Я могу терпеть, а собаку жаль...

– Но вот же перед вами ресторан! Почему вы не возьмете еду для себя и собаки? Если у вас нет денег на вашем счету, вам отпустят еду за счет Мессии.

– Нас тут не станут кормить, и лучше не спрашивайте почему. Просто возьмите для нас с Принцем пару булочек с мясом или колбасой... И бутылку вина для меня.

Сумерки. Пустынная ветка аквастрады, голый остров, поросший дьяволохом, и в гостинице явно нет ни души.

– Хорошо, я возьму для вас еду за мой счет. Идемте в ресторан, вы сами выберете что хотите.

– Мы не можем войти внутрь.

О, Месс! Конечно, не могут! Удивительно, что камера Надзора, которая есть у входа в каждое общественное здание, до сих пор не засекала их. Я посмотрела на двери гостиницы и поняла почему: кронштейн, на котором висела камера, был обвит вьюнком-быстряком. Мне подумалось, что хитрый старик нарочно бросает у входа обрывки плетей быстряка, а этому вьюнку-мутанту достаточно двух дней, чтобы пустить корни и взобраться по любой стене на высоту нескольких этажей. Потом он расцветает огромными белыми колокольчиками, дает семена, выстреливает их на несколько десятков метров вокруг себя и отмирает. Нехитрое дело – завесить наблюдательную камеру Надзора, если под рукой есть семена или черенки быстряка! Я поняла, что судьба устроила мне встречу с одним из асоциальных элементов – асов. А в новостях недавно сказали, что на территории бывшей Баварии с асами покончено, я еще тогда очень за бабушку обрадовалась...

Чтобы войти в ресторан, я должна повернуться спиной к старику, но вдруг он и его собака только того и ждут, чтобы накинуться на меня? Я повернулась и, чувствуя спиной их выжидающие взгляды, пошла к дверям. Ни в одном кошмарнике и вообще никогда в реальной жизни я не испытывала такого противного, липкого и холодного страха.

Я вошла в ресторан, подошла к стойке с пультом и дрожащей рукой набрала коды хлеба, сосисок и вина, едва не забыв, что хотела взять для себя яблочный сок. Пока пульт считывал мой персональный код, меня охватила тревога. Я подумала, что в зале ресторана тоже есть камеры Надзора – вдруг они зафиксировали через окно мой разговор со стариком, а потом отметят, как я буду передавать ему еду? Может быть, оплачивая хлеб, сосиски и вино для аса, я нарушаю закон?

Выйдя с подносом наружу, я почти бегом достигла своего мобиля и, встав за его прикрытием, крикнула:

– Идите скорей сюда, заберите вашу еду!

Старик доковылял до меня и протянул руки, чтобы взять у меня поднос. Протягивая ему еду, я машинально взглянула на его руки и чуть не выронила поднос на асфальт. Выходя из мобиля, я оставила его салон освещенным, и при этом свете я отчетливо увидела, что на больших пальцах аса как на правой, так и на левой руке нет персонального кода! Сунув ему поднос, я нырнула на сиденье и захлопнула дверцу. Свой яблочный сок я все-таки оставила на подносе и всю оставшуюся дорогу мучилась от жажды.

До Баварского Леса, представлявшего собой целую гряду небольших островков, я добралась уже глубокой ночью. Я съехала с главной аквастрады на боковую ветку, потом проехала несколько островов, соединенных мостами. Большая их часть была покрыта лесом и дьяволохом, а селений на них было немного, поэтому дороги здесь почти не освещались. Зато бабушкин остров еще издали так и сиял: горели фонари на мосту и на подъездной дороге к усадьбе, а в доме, стоявшем в центре острова на холме, были освещены оба этажа – это бабушка издали показывала мне, что она меня ждет!

Мост, соединявший бабушкин остров и ее частную дорогу с государственной, тоже принадлежал бабушке; он начинался от двух высоких кирпичных столбов на берегу с чугунными воротами между ними, обычно запертыми, но сейчас распахнутыми настежь. Я въехала на мост, вышла из мобиля, заперла ворота оставленным в замке большим ключом и почувствовала себя в безопасности.

Сразу за мостом начинался бабушкин парк, за последние годы превратившийся в настоящий лес, густой, но не особенно страшный, поскольку в нем совершенно не было дьяволоха. В свое время бабушка потратила много сил, очищая берег своего острова от этого проклятого растения, и оно не стало пытаться выжить там, где каждый его росток поджидали мотыга и

хлорат: бабушка каждую весну нанимала несколько крепких крестьянских парней специально для очистки острова.

Дорога шла через лес на вершину холма, прямо к усадьбе, окруженной высокой металлической оградой, на вид изящной и легко преодолимой, но я знала, что при необходимости через нее можно пропустить ток. С тайными хитростями был и дом, построенный моим дедом специально для того, чтобы в нем можно было пережить тяжелые времена. Снаружи это был обычный богатый двухэтажный загородный дом с застекленной верандой и большими окнами, но мне было известно, что все стекла в окнах пуленепробиваемые, а где-то в доме имеется специальный пульт, с помощью которого можно в несколько мгновений закрыть окна и двери стальными щитами, спрятанными в стенах дома. Но сейчас дом приветливо сиял мне навстречу всеми своими окнами, и никто бы не мог догадаться, что этот дом – маленькая, хорошо защищенная крепость.

Я подъехала к воротам, на этот раз закрытым, и вызвала бабушку через персоник.

– Бабушка! – сказала я по-русски, поскольку в разговорах со мной бабушка предпочитала язык своей родины. – Ау! Я уже здесь, у ворот!

– Выйди из машины и подойди к воротам, – сказала бабушка в ответ. Она любила архаизмы и мобили называла «машинами». Я вышла из машины, захватив переговорную трубку персоника.

– Теперь смотри внимательно, ты видишь на воротах чугунные венки из роз?

– Конечно, вижу. Они всегда тут были.

– Но теперь есть маленькое нововведение. Отсчитай на правой створке ворот пятый венок сверху. Если ты просунешь сквозь него руку, то нащупаешь тонкий шнур.

– Я его нашла.

– Теперь дерни за веревочку – дверь и откроется.

Я потянула за шнур, раздалось жужжание, и створки ворот раздвинулись в стороны. Я вздохнула и покачала головой: прежде бабушка всегда встречала меня у самых ворот, если не на мосту.

В обшитом светлым деревом холле было светло, тепло и тихо.

– Бабушка! Уа! Ты где?

Сверху послышался металлический стук. Я подняла голову. На лестничную площадку второго этажа, опираясь на костыль и приволакивая правую ногу, охваченную фиксирующим аппаратом из стальных трубок, вышла бабушка.

– Ну вот и ты, детка! Поднимайся скорей сюда!

Я поднялась и остановилась перед бабушкой. Как всегда при встрече, она сделала движение, как будто хотела меня обнять, но не удержала равновесия, выпустила костыль и взмахнула рукой, едва не коснувшись меня. Я слегка отодвинулась. Бабушка ухватилась за перила и все-таки, слава Мессу, удержала равновесие... Я подняла костыль и прислонила его к перилам почти возле самой ее руки, чтобы ей легче было дотянуться.

– Спасибо, Санечка! Видишь, какая я стала неуклюжая. Я стараюсь без особой надобности не спускаться вниз, так и живу наверху, как в голубятне. Какой у тебя усталый вид! Доехала благополучно?

– Да, вполне. Большое тебе спасибо за деньги, теперь я свободна до конца лета и смогу за тобой поухаживать.

– Вот и прекрасно! Ты очень устала с дороги? Хочешь сразу лечь спать или поговорим немного?

– Конечно, поговорим, бабушка!

– В таком случае, отнеси сумку в свою комнату, умойся и приходи ко мне в спальню, я напою тебя настоящим чаем.

Приезжая в гости к бабушке, я всегда занимала одни и те же комнаты на втором этаже, и в них стараниями бабушки все было устроено в соответствии с моими привычками: жилая комната с персоником последней модели – экран во всю стену, очень дорогое и очень удобное кресло-кровать перед ним, едальный столик с пультом доставки по высшему классу. Из этой комнаты дверь вела прямо в комнату личной гигиены. Рядом была еще одна комната, которая тоже считалась моей, но туда я никогда не заглядывала. Это была бывшая моя детская, где бабушка с непонятным упорством сохраняла все без изменений с тех самых пор, как мать меня оттуда выкрала: там стояли мои вещи, которых я не помнила и которые были мне не нужны.

Я приняла душ. Одним из достоинств бабушкиной усадьбы было изобилие чистой воды – она даже не была подсоединена к общей водопроводной сети, и бабушка на этом изрядно экономила. Вода в дом, в оранжерею и в курятник доставлялась по трубам прямо из озера с помощью насоса. Ее даже не надо было очищать. Это было такое ни с чем не сравнимое удовольствие – пользоваться водяным, а не аэрозольным душем!

Шкаф доставки одежды и обуви, по-молодежному «одежник», был настроен на мои размеры, поэтому я сразу же получила свежий костюм, а старый, совершенно износившийся за этот долгий день, скомкала и засунула в дверцу утилизатора. Надо заметить, что бабушкино гнездо, несмотря на всю архаичность интерьера, в смысле коммуникаций было сооружено на самом высоком уровне, что, конечно, обошлось моему деду в кругленькую сумму. Но бабушка уверяла меня, что в любой момент может безболезненно отключиться как от общей электросети, так и от линии доставки еды и одежды. Может быть, но не хотелось бы проверять...

Переодевшись, я отправилась в бабушкину спальню. Комната, в которой она теперь проводила большую часть времени, вполне соответствовала ее характеру. Какой-то допотопный персоник, приобретенный только потому, что бабушке была необходима связь с внешним миром, был задвинут в дальний угол и прикрыт белой накидкой с вышитыми на ней фиалками. Зато в другом углу стояла вещь, которую теперь не увидишь даже в Реальности, – резной киот с иконами бабушкиных богов. На столике под ним лежали старинные книги и постоянно горел светильничек, называемый «лампадкой». Спала бабушка на деревянной кровати с постелью из природных тканей; она как-то сказала мне, что ее подголовники, называемые подушками, набиты опереньем птиц, но я думаю, что это все-таки была шутка. Вся стена над ее кроватью была завешана фотографиями, среди которых было только несколько голографий, а некоторые были даже черно-белыми, какие теперь можно встретить только в Реальности, посвященной XIX— XX векам. На них были изображены ее родственники, друзья, какие-то знаменитости прошлого, а еще единственная внучка Кассандра в раннем детстве. Я не любила смотреть на мои детские фотографии, ведь я совсем не знала изображенной на них упитанной, почти всегда смеющейся девчонки.

Напротив бабушкиной кровати стояли в ряд три больших шкафа с допотопными книгами и фильмами, слава Мессу, помещавшимися за стеклянными дверцами; могу себе представить, сколько пыли и микроорганизмов скопилось на них за все эти годы! Одиночество и возраст бабушки в какой-то степени оправдывали ее страсть к книгам, но еще в школе нам объясняли, почему библиофилия – один из тяжелейших видов наркомании: пристрастившись к чтению натуральных книг, человек получает наркозависимость от них настолько сильную, что уже ни чтение книг в Реальности, ни доступность печатных текстов из Всепланетной библиотеки на экране персоника не могут им заменить шелеста пыльных страниц. Но у бабушки на этот счет было свое мнение, как всегда. Впрочем, я знала, она уже в ближайшие дни будет пересказывать мне книги, которые специально для этого перечитывала в мое отсутствие, а может быть, еще и почитает мне что-нибудь вслух. Это мне даже нравится, потому что я люблю бабушкин голос.

Между двух высоких окон, завешенных совершенно нелепыми кружевными занавесками, пропускаящими и воздух, и свет, стоял небольшой круглый стол и два кресла. На этом

столике всегда стоял серебряный поднос с фарфоровой посудой и допотопным электрическим устройством для кипячения воды – все это служило для бабушкиного ритуала чаепития.

Из-за болезни и малоподвижности бабушки в комнате кое-что изменилось: появился едальный столик, прежде помещавшийся внизу, в так называемой «кухне», где бабушка чаще всего сама готовит себе еду из собственных продуктов. Бабушка и в этом чудит: у нее есть куры и рыбы, а некоторые овощи и фрукты она выращивает сама в огороде, в саду и в маленькой оранжерее. Кое-что ей дарят крестьяне из небольшой деревушки, расположенной неподалеку, в полчаса езды от ее острова.

Я догадываюсь, что не за красивые глаза: в хозяйстве у бабушки сохранялось много нужного крестьянам, например, сельскохозяйственные орудия, удобрения – и все отличного качества. Продавать продукты на сторону крестьяне не имеют права, они должны все сдавать государству, но делать подарки могут – вот они их и делают. А бабушка в ответ одаривает их тем, в чем они нуждаются. Еще бабушка «собирает дань со своего леса», как она выражается: под деревьями в лесу, я это видела, когда прогуливалась с ней по лесным дорожкам, росли кусты со съедобными ягодами, а еще «грибы» – разнообразные вкусные и забавные на вид земляные плоды, из которых она тоже готовит еду. Но это небезопасный промысел: бабушка говорит, что не все грибы съедобные, попадаются и ядовитые, и надо хорошо в них разбираться, чтобы не отравиться. В лесу и на полянах она также собирает разные травы, а некоторые выращивает прямо на огороде. Они потом сушатся и служат ей для заварки чая.

Процедура приготовления чая даже красива, если не думать о микробах, но я всегда надеюсь, что обработанные кипятком травы уже не так опасны, а потому и сейчас мужественно приняла предложенную бабушкой тонкую и очень горячую на ощупь чашку с золотисто-красной дымящейся жидкостью и стала пить чай.

– Я вызвала тебя, Санечка, вовсе не для того, чтобы ты ухаживала за мной и развлекала во время болезни. Я не столь привередлива, как ты знаешь, и давно научилась сама управляться со своей дряхлостью. Но мне совершенно необходимо избавиться от посещений медицинской сестры с ее уколами.

– Ты, бабушка, боишься уколов? Не верю!

– Конечно, не боюсь. Но избавиться от них надо. Ты ведь проходила в школе курс первой помощи и умеешь делать уколы?

– Умею. Ты хочешь, чтобы я сама их тебе делала?

– Вот еще! Мне нужно только, чтобы Медицинский центр согласился освободить меня от посещений сестры, доверив эти уколы тебе. Ты можешь сообщить им номер твоего свидетельства об окончании курса?

– Нет ничего проще. Я сообщу им свой код, а дальше они все сами выяснят из моего персонального досье.

– Таким образом мы решим первую половину моей проблемы – избавимся от визитов сестры.

– А в чем заключается вторая половина проблемы?

– Вторая сложнее. Мне надо на неделю покинуть усадьбу и сделать это так, чтобы об этом никто не знал, кроме тебя.

– Разве ты опасаешься Надзора?

– Надзор надзирать за мной не имеет права, я за это слишком дорого заплатила. Но я очень подозреваю, что за мной все-таки приглядывают – с помощью других учреждений. В данном случае это может быть Медицинский центр.

– Разве это возможно?

– К сожалению. Такие задания Надзора многие планетяне выполняют со сладострастным гражданским упоением.

– О, Месс!

- Представь себе. А я не люблю, когда за мной подглядывают из-за угла.
- Вау, я поняла, бабушка! Ты хочешь тайно покинуть дом, оставив меня в залог!
- Да, именно так.
- Как ты романтична, бабушка!
- Напротив, я абсолютно реалистична.
- ?!
- Реалистична в моем смысле.
- Ну да, конечно. Так чем же я смогу тебе помочь?
- Я завтра утром отправлюсь в свою поездку, а ты останешься здесь, сообщишь в Медицинский центр об этих проклятых уколах, а если вдруг кто-то из врачей захочет связаться со мной, ты скажешь, что я прекрасно себя чувствую, но как раз в данный момент сплю, и ты не хочешь меня будить.
- Все понятно. А куда же ты хочешь сбежать из-под опеки Медицинского центра, моя резвая бабушка? Или это секрет?
- Секрет.
- Вау! Как интересно!
- Бабушка поморщилась: ей не понравилась моя манера выражать восторг.
- Санька, да перестань ты мяукать, как кошка! Что это за бесконечные «мяу»?
- Да не «мяу», а «вау», бабушка!
- И что это значит?
- Да ничего... Просто так принято теперь.
- А я столько раз тебе говорила...
- Помню, помню! Все эти «вау», «уа» и прочий словесный мусор свидетельствуют о некотором отставании в умственном развитии современной молодежи, и потому твоя внучка не должна следовать этой моде...
- Эта, как ты изволила выразиться, мода носит признак некоторой дебильности.
- Хорошо, пускай дебильности. Я постараюсь не огорчать тебя и буду следить за своей речью. Ты летишь самолетом или отправишься на мобиле?
- Ни то ни другое. Я еду на своем джипе.
- Это на той старой железяке, что ходит на нефтяных батареях?
- Все ты путаешь, Санька. Автомобили раньше ходили не на батареях, а использовали как горючее бензин – производное нефти. Но мой джип уже несколько лет как переоборудован и ходит теперь на батарейках «Тэсла», как и ваши мобили. Это обошлось мне в несколько тысяч планет.
- Зачем же было тратить такие сумасшедшие деньги и перестраивать эту древность, бабушка? Не проще ли было продать твой джип в Музей старых технологий, а на полученные деньги купить несколько мобилей? Или один, но зато очень хороший и прочный – я знаю, ты любишь долговечные вещи.
- Саня! Сколько лет служит самый дорогой и прочный мобиль?
- Это зависит от того, как часто на нем ездят. Таксомобили, хотя они все хороших марок, служат недолго – месяца два-три. Но классный мобиль, если им пользоваться для личных поездок, может прослужить два-три года.
- Я тоже так полагаю. Ну так вот, мой старый джип служит мне уже без малого пятнадцать лет, а купил мне его в подарок еще твой дедушка и как раз в том самом Музее старых технологий, куда ты советуешь его сдать. И было ему тогда, джипу, а не дедушке, около тридцати лет. Итого получается...
- Бабушка! Так долго даже люди не живут!
- Если не веришь, могу предъявить документы и на джип, и на себя.

– Я имела в виду обычных людей, а не такое сокровище, как ты, бабушка! Ты у меня раритет, и жить тебе, как всякой исторической ценности, положено вечно.

– Хорошо, ради тебя я постараюсь пожить подольше, хотя моя жизнь, как и моя старость, принадлежит не мне, а Господу...

– Бабушка! Только не говори мне хотя бы сегодня ничего о своем Боге, который у тебя вместо Надзора, пожалуйста! Ты же знаешь, что у меня от этих разговоров начинает болеть голова.

– Знаю, милая, знаю. Прости меня, – сказала бабушка.

Я постаралась перевести разговор:

– Бабушка, а в твоём перестроенном джипе есть стоп-сторож? Дороги стали очень опасными, везде между островами полно «гнилых аквастрад».

– Эти хваленые аквастрады вообще очень хлипкие сооружения. Впрочем, они и рассчитаны были всего на несколько лет, да прогнозы ученых об отступлении мирового океана не оправдались.

– Ну, Месс что-нибудь придумает, он не допустит гибели планеты.

– Он придумает, а как же!

Я внимательно поглядела на бабушку: мне послышалась ирония в её голосе, но лицо её было непроницаемо.

– Да и с нынешними водителями без стоп-сторожа нельзя на километр от дома отъехать, если не хочешь угодить в аварию; все вы норовите и во время поездок продолжать гулять в своих снах. Ты тоже грезил по дороге?

– Только о том, чтобы поскорее добраться до Баварского Леса.

Я не хотела рассказывать бабушке о настоящей причине моего невыхода в Реальность в эти два дня: она бы скорее обрадовалась, чем огорчилась за меня.

– Бабушка, во всех современных мобилях имеется автоводитель и стоп-сторож: можно задать конечный пункт и спокойно уйти в Реальность, а мобилка сам тебя привезет куда надо. Но, конечно, только на основных аквастрадах. После Нью-Мюнхена я должна была в основном полагаться на себя.

– Похвально! Мне тоже придется ехать по скверным аквастрадам и даже сворачивать на старые грунтовые дороги.

– Они еще сохранились?

– В горах сколько угодно! А мне как раз предстоит ехать через горы.

– Ты имеешь в виду Центральные Альпы, где сохранился горный массив?

– Много будешь знать...

– Скоро состарюсь и стану такая же миленькая старушенька, как моя бабушка!

– Такой ты не станешь. Каждому поколению – своя старость.

– Если я не стану такой, как ты, то я совсем не хочу стариться. Когда мне стукнет тридцать, я поступлю, как поступает большинство разумных людей в нашем мире...

– Замолчи!

– Молчу.

Бабушка то ли из-за моей матери, то ли просто в силу своего возраста ненавидела всякие разговоры об эвтаназии. Я могла бы ей сказать, что генетический анализ показал, что жизненной энергии мне отпущено природой не больше, чем на тридцать – тридцать пять лет, да и то в последние годы мне угрожает куча болезней, так что особого выбора у меня не будет: кто же позволит калеке увернуться от эвтаназии, если только этот калека не миллионер?

– Боже, как я ненавижу этот мир! – вздохнула бабушка.

– Бабушка! Да ты же его совсем не знаешь! Ты живешь на своем островке как средневековая отшельница, ты даже новостей почти не смотришь...

– Ошибаешься. Вот новости я как раз смотрю, и на это есть две причины. Первая заключается в том, что пока я плачу за свой персоник, а это у меня самая крупная статья расходов, я должна как-то его использовать. Мне персоник в основном всего лишь заменяет телефон – ты знаешь, что в прошлом существовало такое средство общения. Вторая причина, по которой я действительно иногда просматриваю новости, заключается в том, что мне важно знать, с какой скоростью мир катится к пропасти. Да, ты права, я наблюдаю современный мир со стороны, но со стороны-то как раз и виднее. Не забывай, Санечка, как долго я живу на свете и в каких разных мирах мне пришлось жить. Я жила в России при трех совершенно разных режимах, объездила с твоим дедом весь мир, пережила объединение Европы, Катастрофу и Третью мировую войну, а вот теперь приход к власти так называемого Мессии. Кроме того, не забудь, что я читаю книги.

– Бабушка, но мы ведь тоже читаем книги, когда находимся в Реальности, а еще любой специалист может получить допуск в свой отдел Всемирной библиотеки и вызывать на экран персоника нужную ему книгу!

– То-то ты много читаешь по персоннику...

– Это правда. Я больше люблю слушать, когда ты пересказываешь мне книги или читаешь вслух.

– Кстати, напомни мне как-нибудь показать тебе, что остается от книг, когда их адаптируют для вашей Реальности, а также и для Всепланетной библиотеки. Ты увидишь кое-что неожиданное. Мы можем заняться этим, когда я вернусь из поездки. А если хочешь, можешь проделать этот эксперимент и сама: достань какую-нибудь хорошую книгу из моей библиотеки и вызови ее копию из Всепланетной библиотеки на экран. С настоящей книгой в руках ты сразу поймешь, как вас оболванивают.

– Ни за что я не стану трогать голыми руками эти бумажные вместилища микроорганизмов!

– Конечно, стоит мне уехать, как ты усядешься в свое зубоврачебное кресло и уткнешься в свою рыцарскую Реальность. Хоть бы в лес без меня сходила погулять!

– Шутишь, бабушка?

– Ничуть. Ты же сама говорила, что любишь одна ходить в лес в своей Реальности, а тут у тебя будет возможность погулять по настоящему лесу.

– Твоя Красная Шапочка в лес не пойдет – там могут быть волки.

– Нет на моем острове волков.

– Тогда змеи.

– И ни одной змеи нет.

– Хищные птицы...

– Из всех хищников в моем лесу попадают только комары да и то лишь возле пруда.

– А в пруду – рыбы!

– Ты разве не любишь рыбу?

– Твою рыбу люблю, но только есть, а не смотреть на нее.

– Господи! И это говорит ребенок, зачатый не в пробирке!

– Бабушка! А ты вправду ничего не знаешь о том, где и от кого я была зачата?

– Нет, Санька, не знаю. Это был какой-нибудь дружок-актер или поклонник твоей матери.

Но не беспокойся, ты гораздо больше похожа на нас с дедом, чем на мать или еще на кого-нибудь.

– Вот и прекрасно!

– Я того же мнения. А теперь иди-ка спать, дорогая. Завтра я хочу с утра уладить здесь все дела и выехать пораньше.

Я попрощалась с бабушкой. Когда я выходила из ее комнаты, она, как всегда, тайком перекрестила меня. Я внутренне передернулась, но внешне никак не среагировала: пускай себе

машет ручкой, если ей это доставляет удовольствие. Она терпит мою Реальность, ну а я могу потерпеть ее религиозность. Любить друг друга нам пока не мешает ни то, ни другое...

Кстати, о Реальности. Войдя в свою комнату, я села к персонику, вызвала детский отдел Банк-Реаля и заказала сюжет про Красную Шапочку. Героиня – капризная девочка, которая не хочет носить обычный зеленый костюм планетянки и просит свою маму пришить к нему хотя бы красный капюшон. Мама у нее тоже не больно умна: она не только выполняет каприз дочери и пришивает к ее костюму самодельный красный капюшон, но еще и кормит ее нестандартной едой – печет сама кексы и булочки. За нелепый наряд другие дети дразнят девочку Красной Шапочкой. Однажды бабушка Красной Шапочки по персонику сообщает им о своей болезни. Мать посылает девочку к больной бабушке, вручив ей контейнер с каким-то особенным кексом, и предупреждает, чтобы она не ездила через лес и не заговаривала по дороге с людьми, у которых на руке нет персонального кода. Девочке кажется, что ее мобиль сможет проехать по старой аквастраде через лес, что сократит ей дорогу. В лесу живет страшный аса-оборотень, похожий на волка или на большую лохматую собаку с длинными зубами. Когда девочка останавливается на стоянке, чтобы выпить воды, он издали видит ее красный капюшон и выходит к ней из кустов, приняв облик доброго старичка. Он заговаривает с ней и просит дать ему кусочек кекса. Красная Шапочка не замечает, что у него на руке нет персонального кода, дает ему еду и рассказывает, где живет ее бабушка. Как только она уезжает со стоянки, ас снова превращается в монстра, бежит через лес к дому бабушки и пожирает ее. Потом аса-оборотень принимает облик бабушки, встречает Красную Шапочку в этом виде и заглатывает ее тоже. Мимо дома случайно проходит молодой и отважный экологист. Зайдя в дом, он видит аса-оборотня и сразу же замечает, что у того нет персонального кода. Он расстреливает аса и освобождает бабушку с внучкой. Очень поучительная сказочка, жаль, что я ее не знала, когда встретила старика с собакой. Я сняла обруч и легла спать, чтобы завтра встать пораньше и проводить бабушку в ее поездку.

Но назавтра бабушка не смогла выехать на своем джипе. Ехать на нем пришлось мне.

Глава 4

Утром я пошла в гараж, чтобы вывести бабушкин джип. Это была даже не машина, а самая настоящая махина. Мне приходилось работать с интерьерами двадцатого века и создавать такие автомобили для приключенческих Реальностей, но в Реальности все эти механизмы прошлого воспринимаются не так грубо, как в действительности. Я даже несколько оробела, когда подошла к этому металлическому чудовищу. От него мерзко пахло железом и резиной.

Я открыла дверцу кабины и ахнула: впереди, прямо перед местом водителя, торчало нелепое черное колесо – рулевое управление! Для меня оно было так же невозможно в обычной жизни, как штурвал пиратской бригадины на борту современного «Титаника». Слава Мессу, позади руля все-таки была встроена нормальная панель управления с кнопкой автоводителя и окошком стоп-сторожа.

Протиснувшись на сиденье, я просунула руки в отверстия руля, положила их на панель управления, освоилась немного и включила двигатель. Мне каким-то образом удалось вывести джип, не врезавшись в ворота гаража.

Бабушка наблюдала за мной уже стоя на дорожке возле гаража. Рядом с ее костылем стояла дорожная сумка.

– Загляни в салон, нет ли там чего лишнего? У меня будет большой груз.

– Здесь полно каких-то коробок. Вытащить их?

– Оставь. Они-то мне как раз пригодятся.

Я вылезла из джипа и еще раз с сомнением оглядела его кабину.

– Знаешь, бабушка, мне кажется, твое путешествие придется отложить до полного выздоровления: ты не влезешь со своей ногой в кабину.

– Глупости! Я не могу больше откладывать свою поездку, придется как-нибудь втиснуть эту «птичью клетку».

Но как бабушка ни ворочала свою ногу, «птичья клетка» в кабину джипа не влезала. Однако бабушка сдаваться сразу просто не умела.

– Придется снимать! – заявила она решительно.

– Что снимать – рулевое колесо?

– Да нет! Вот эту мерзопакость! – она приподняла больную ногу и даже попыталась ею топнуть.

– Бабушка! Да ты с ума сошла! Ты представляешь, что случится в дороге с твоей ногой, если ты снимешь фиксатор? Нет, нет и нет! О том, чтобы снять его, не может быть и речи, я тебе этого не позволю! Ты просто отложишь свою поездку, вот и все.

– Исключено. У меня назначена очень важная встреча. Меня уже давно ждут, а я все не еду.

– Так сообщи туда, что задерживаешься еще на некоторое время!

– Я не могу связаться с этими людьми. Это все очень, очень непросто, детка!

Я никогда еще не видела бабушку такой огорченной.

– Бабушка, а нельзя вызвать механика и снять этот нелепый корабельный штурвал?

– Нельзя его снимать, я им пользуюсь на трудных дорогах. Похоже, что выхода нет.

– Бабушка! Выход есть, вернее выезд, – я поеду вместо тебя.

Бабушка внимательно на меня посмотрела, потом кивнула головой и сказала:

– Когда-нибудь это должно было произойти. Мне и вправду некому поручить свое дело, кроме тебя, Санька! Как это кстати, что мы еще не успели связаться с Медицинским центром и отменить уколы. Хорошо, ты поедешь вместо меня, но тебе придется выполнить три условия. Первое – ты оставляешь дома свой персонику.

– Бабушка, это нечестно!

– С персоником в машине я тебя с острова не выпущу. Можешь ты обойтись несколько дней без выхода в свою дурацкую Реальность?

– Весь мир теперь живет в Реальности, бабушка!

– Весь мир – дурак, и довольно об этом. Второе условие – ты не останавливаешься по пути в гостиницах, а ночуешь либо на заброшенных стоянках, их будет много на дороге, по которой ты поедешь, либо на старых ветках шоссе, по которым никто не ездит.

– Бабушка, меня могут принять за аса, если увидят!

– Кто тебя примет за аса, не выдумывай! Знаешь ли ты, чем асы отличаются от обычных людей?

– Знаю. Они плохо пахнут.

Бабушка нахмурилась:

– Позволь спросить, откуда у тебя такая информация?

– От собственного носа.

– Разве ты встречала когда-нибудь живого аса?

– Да, и совсем недавно, когда ехала к тебе.

– Ну-ка, рассказывай!

Я рассказала бабушке о встрече со стариком и собакой.

– От них обоих жутко воняло, так что я теперь определенно знаю, что отличает асов от нормальных людей.

– Это поверхностный признак. Я встречала в своей жизни крупных политиков и финансистов, которые просто смердели, но никто этого не замечал. Что еще необычного было в этом старике, поважнее запаха?

– Что еще?.. Ну, он был одет в лохмотья... А, знаю! У него не было персонального кода, и поэтому он не мог купить еду для себя и собаки. Вот мне и пришлось для них это сделать.

– Значит, ты их пожалела?

– Может быть, не знаю. Разве это противозаконно?

– В общем, да. Как и многие другие нормальные человеческие чувства в наше время. Несмотря на это, должна сказать, что вполне одобряю твоё поведение и рада, что тебе не чуждо сострадание к бедным.

– По совести говоря, бабушка, я не столько из сострадания купила им еду, сколько от растерянности и страха. Сострадание пришло потом, когда я думала о них в дороге и ужасалась их положению. Я очень люблю, бабушка, когда ты меня хвалишь, но я не хочу, чтобы ты хвалила меня напрасно.

– Санька! Иногда я просто поражаюсь тому, как ты похожа на своего деда! Ну вот, а теперь тебе представится возможность ощутить себя хотя бы отчасти в положении аса: в дороге тебе нельзя будет пользоваться твоим персональным кодом. Это третье мое условие. Согласна?

– Я на все согласна, лишь бы ты с твоей больной ногой оставалась дома.

Вот так и случилось, что бабушка осталась на своем острове долечивать ногу уколами, а я покатила по ее делам на ее устрашающей машине. Она снабдила меня саморазогревающимися контейнерами с едой, большим термосом с кофе, а мне удалось вытянуть из одежника три лишних комплекта одежды, объявив полученные костюмы бракованными. У бабушки нашлось еще два собственных комплекта, на три номера больше моего. Этих пяти костюмов мне должно было хватить на неделю, поскольку в дороге я одежниками пользоваться не смогу: они есть на стоянках, но за них надо тут же расплачиваться по персональному коду.

Управлять джипом оказалось довольно просто. Огромный механизм, раз в пять больше моего мобиля, в общем-то, оказался послушным. Пока обнаружилась лишь одна проблема – дорожная скука. Без персоника я была в пути совершенно отрезана от мира. Впрочем, мне и самой пока не хотелось возвращаться в старый замок. Обида пройдет, а друзья никуда не денутся: деньги в уплату за Реальность продолжают поступать с моего счета, когда захочу –

тогда и вернусь к ним. А пока мне ничего другого не оставалось, как следить за дорогой и пейзажем.

Лесистые острова Баварского Леса были совершенно одинаковы, и если бы не бабушкина подробная карта, через пару часов можно было бы заподозрить, что я переезжаю с одного острова на другой уже по второму или третьему кругу. Потом мелкие острова кончились, я выехала на берег Альпийского массива, и аквастрада перешла в обычное шоссе, идущее по берегу Дунайского моря.

Глядеть на море не хотелось. Оно было мелким, и повсюду из густой желтоватой воды торчали шпили затопленных церквей, верхушки покосившихся высоковольтных мачт, а там, где прежде располагались города, над водой торчали редкие пеньки высотных зданий и покосившиеся телевизионные вышки. Большая часть деревень и городов находилась под водой и была густо оплетена ядовитым водяным плющом, но в темных подводных силуэтах можно было угадать крыши домов и даже целые улицы. Это глупо, но сознание того, что под водой находятся миллионы непогребенных утопленников, навело на меня глубокую тоску. Я видела в новостях кадры подводной съемки, сделанной вскоре после Катастрофы: руины домов в мутной воде, уцелевшие дома, такие красивые на первый взгляд, даже в воде, а потом съемки внутри зданий, в квартирах, и крупным планом – тела утопленников, обглоданные рыбами. Сейчас в Дунайском море добывается огромное количество рыбы, она во много раз дешевле хлеба и овощей, но я никогда не заказываю рыбу из Центра питания. Специалисты уверяют, что от тех утопленников остались только кости, что нынешняя рыба уже давно не питается мертвецами, но мне как-то не хочется ее есть. Я пью иногда фруктово-рыбный энерген, но только потому, что в нем нет ни фруктов, ни рыбы – только пищевая синтетика и витаминные добавки. Но в гостях у бабушки я, конечно, ем рыбу, которую она сама ловит в пруду и очень вкусно готовит. Есть чудачки, которые купаются в земных водоемах, в реках и озерах, но я никогда не слыхала о таких, которые купались бы в Дунайском или Европейском море.

Берег был зеленым на всем протяжении, но эта зелень не радовала глаз – здесь царствовал дьяволох. Шоссе ограничивало его наступление на сушу, но местами он подбирался к самому шоссе и пытался прорваться, используя швы между бетонными плитами. Между зарослями дьяволоха кое-где виднелись остатки разрушенных строений, заросшие вьюнком-быстряком. Там, где под воду ушла столица бывшей Австрии Вена, роскошный имперский город, сохранившийся нынче только в Реальности, я задумалась, глядя на верхушки соборов, превратившиеся в гнездовья водяных птиц, и нечаянно вылетела на заброшенную асфальтовую дорогу, по которой когда-то ездили в четыре ряда автомобили, а теперь оказалась я одна в бабушкином джипе. Я сама себе показалась призраком прошлого и заметалась по черной асфальтовой полосе, петлявшей, крутившейся, как лента Мебиуса. Эта страда имела десятки съездов, обозначенных проржавевшими указателями. Надписи были не только на немецком, но и на английском языке, как тогда назывался планетный, но они ничего не значили теперь: все ответвления главной дороги выходили на берег и обрывались над морем. С большим трудом я выбралась снова на свое шоссе, потеряв почти час времени.

Изредка на моем пути попадались стоянки с закусочными и гигиеническими кабинками. Я останавливалась, чтобы выйти из джипа и размять ноги, освежиться и выпить кофе. Но кофе я пила не за стойкой бара, а из термоса, ведь бабушка категорически запретила мне что-либо покупать, используя персональный код. Заезжая на стоянки, я сначала внимательно осматривалась, а уже потом покидала кабину: я опасалась неприятных встреч.

На дороге я почти все время была одна, поскольку через Альпы в бывшую Италию был еще один путь, более удобный, но, следуя бабушкиным указаниям, я должна была использовать только местные дороги, поэтому почти все светлое время суток у меня ушло на то, чтобы добраться до Центральные Альп. Тут я должна была остановиться на ночлег и потому, что устала, и потому, что старые дороги по ночам не освещались.

Бабушка запретила мне ночевать на стоянках, да я и сама не решилась бы на это, поскольку не могла остановиться в гостинице: глупо было бы торчать в джипе на освещенной стоянке всю ночь, рискуя привлечь к себе внимание Надзора или бдительных проезжих, поэтому пришлось искать место для ночлега прямо в лесу. Я съехала на какую-то совсем узкую лесную дорогу и встала на ее обочине, не просматривавшейся со стороны страды. Я выключила двигатель, и поначалу мне показалось, что вокруг царит мертвая тишина. Я перелезла между сиденьями в салон и устроила себе постель на матрасе, лежавшем в узком проходе между коробками. Бабушка дала мне с собой совершенно новый спальный мешок из ткани, подбитой чем-то мягким и теплым – воистину неисчерпаемы были дедовские запасы! Проверив, заперты ли дверцы, я вошла в этот мешок, погасила в машине свет, как велела бабушка, и попыталась уснуть. Но сразу же стало ясно, что без снотворного это не получится. Меня сразу же обнаружили дикие животные, и вокруг поднялась кутерьма. Кто-то ходил рядом с джипом, пыхтел и шуршал сухими листьями, кто-то сокрушенно охал в глубине леса, а какая-то тварь осторожно, но настойчиво скреблась в заднее стекло. И над всем этим шумел, шумел, беспрерывно шумел высокий лес. Под этот шум я и уснула, проглотив вместо обычной одной две таблетки снотворного.

Ночью меня не ограбили и не съели, я даже как будто выпалась. Но проснулась я не поэтому, а от какой-то внезапно охватившей меня тревоги. И тут же я услышала непонятные крики, какие-то хлопки и свист. Прислушавшись, я поняла, что совсем рядом со мной кричат дикие птицы. То ли они нарочно слетелись к моему джипу, чуя в нем добычу, то ли это я ночью угодила в место их скопления, и они только что меня обнаружили. Я приподнялась, осторожно раздвинула пустые коробки и выглянула в окно. На лесной дороге было темно, но впереди, в просвете между деревьями, разгоралось багровое зарево. «Лесной пожар!» – поняла я в ужасе. Видимо, птицы слетелись сюда, спасаясь от надвигающегося огня. Одна из них, громадная и черная, уселась на дереве прямо против меня и вопила: «Крах! Крах! Крах!» Другие вторили ей пронзительным писком и свистом. Наиболее агрессивные ходили по крыше джипа, стуча когтями по железу. Выдержат ли стекла, если они начнут разбивать их своими клювами, чтобы добраться до меня? Я осторожно выбралась из мешка и, стараясь не шуметь, пригнув голову, перебралась на переднее сиденье. Лихорадочно нажимая кнопки управления, я включила двигатель и постаралась как можно скорее развернуть джип и покинуть опасное место. Крики птиц сделались еще истошней, еще агрессивней, но я взяла себя в руки, и мне удалось выбраться на шоссе, не врезавшись в деревья.

Выехав на основную дорогу, я заметила, что страшное зарево осталось позади меня, теперь оно разлилось на полнеба, отражаясь на снегу горных вершин. Неужели это опять какое-то извержение? Не может быть, ведь Мессия определенно заявил, что больше землетрясений в Европе не будет. Но через полчаса небо стало светлеть, а огненное зарево исчезло.

Дорога поднималась все выше, и я скоро почувствовала холод, проникавший сквозь металл машины. Я вспомнила, что еще ничего сегодня не пила и не ела, и затормозила на первой же стоянке. Я воспользовалась только гигиен-кабиной, чтобы умыться и почистить зубы, но душ принимать не стала: я не люблю мыться там, где до меня мылись другие. Я сняла с себя вчерашний костюм, который тут же расплзся на дурно пахнущие влажные лохмотья, швырнула их в утилизатор и вскрыла упаковку со свежим костюмом. Надев его, я почувствовала некоторое облегчение. Потом я позавтракала в джипе и снова отправилась в путь.

Мне еще никогда не приходилось ездить по сплошным горам, и я не представляла, насколько это утомительно. То поднимаясь вверх по спирали, то спускаясь вниз, дорога так и норовила выскочить и куда-то улизнуть из-под колес джипа; автоводитель, прекрасно справлявшийся на прямой страде, испытания горной дорогой не выдержал, и от него пришлось отказаться. Мои глаза и мозг устали от постоянного напряжения, пальцы начали судорожно и бестолково дергаться над кнопками управления, и уже через час я начала делать ошибки

– стоп-сторож предупреждающе пищал и останавливал двигатель. Не езда, а сплошная нерво-трепка! Когда же я останавливалась, чтобы немного расслабиться и дать отдых глазам, начинался острый приступ одиночества. Как жаль, что я не взяла с собой персоник! Невозможность посмотреть в положенное время новости угнетала: я почти физически чувствовала себя оторванной от мира, от Мессии, от бабушки! Временами мне начинало казаться, что эта ужасная дорога между серых и зеленых гор никогда не кончится. К чувству одиночества присовокуплялась клаустрофобия, и становилось уже совсем плохо. Тогда я выходила из кабины, топталась вокруг джипа, боясь сойти с дороги, потом снова садилась за пульт и ехала дальше.

В совершенно угнетенном состоянии, усталая донельзя, я добралась до темноты почти к самому перевалу и здесь, в некотором смысле обойдя бабушкин запрет, устроилась на ночевку на заброшенной древней стоянке. Здание гостиницы зияло пустыми окнами, и можно было быть уверенной, что никаких камер Надзора здесь не сохранилось, даже если они когда-нибудь и были тут установлены. Я поужинала, приняла снотворное и со страхом уснула.

Ночь прошла спокойно, и утром меня никто не будил – я проснулась от холода, царившего в салоне. Я выбралась из джипа и увидела, что вокруг все залито густым белесым туманом. Кое-как я привела себя в порядок, экономно расходуя воду. Как, однако, не рациональна и не гигиенична жизнь за пределами цивилизации! Когда я принимаю душ у себя дома, я использую за один сеанс четверть литра распыленной воды, и этого вполне хватает, чтобы чувствовать себя чистой; в дороге на умывание уходит литровая бутылка, но этим можно только слегка освежиться.

Я включила отопление и стала ждать, когда туман рассеется, чтобы можно было ехать дальше. Но прошел час, а туман и не думал уходить с моей дороги. Я сидела в тесной кабине, окруженная сырым и непроглядным воздушным молоком, и тосковала. В который уже раз я подумала, что если мне еще когда-нибудь придется ехать по бабушкиным поручениям, я настою на том, чтобы взять с собой персоник!

В конце концов мое терпение лопнуло, и я решительно вылезла из джипа. Пошарив глазами вокруг, я не нашла ни палки, ни сломанной ветром ветки – ничего, что могло бы мне помочь в том, что я задумала. Тогда, поразмыслив, я залезла обратно в джип и вытащила из салона две пустые коробки. Подхватив их, я пошла вперед по мокрой дороге, поминутно оглядываясь, чтобы не потерять из виду джип. Мне удалось пройти примерно шагов сто, прежде чем его очертания стали исчезать в тумане. Здесь я поставила коробки по сторонам дороги и вернулась к джипу за следующей парой. Второй отмеченный коробками отрезок дороги получился короче, поскольку сами коробки были значительно меньше машины. Отметив еще двумя коробками третий отрезок дороги, я вернулась к джипу, села за пульт и медленно проехала сквозь туман к последним отметкам. Тут мне пришлось снова вылезти на дорогу и бежать к первым коробкам, поскольку бабушка сказала, что коробки нужны для груза, за которым она меня посылает, я решила не рисковать и не использовать их все. Подтащив все шесть коробок к джипу, я начала всю работу с начала: прошла вперед, установила первую пару и так далее. Когда я совершила четыре таких поездки, я увидела, что уже могу различать дорогу и без моих отметок. То ли дорога, явно шедшая теперь вниз, вышла из густого тумана, то ли сам туман начал рассеиваться, не знаю, но я поняла, что перевал мы с джипом преодолели благополучно. Зато бабушкины коробки пострадали непоправимо: они размокли, и пришлось их бросить на обочине дороги. Я тоже размокла, вернее мой пластиковый костюм, и его тоже пришлось снять и бросить. Я снова умылась, поскольку мне казалось, что от меня после моих пробежек с коробками воняло почти как от аса, и надела третий костюм из своих запасов. Теперь у меня оставалось только два бабушкиных, а я еще не добралась до цели своего путешествия. Я села в джип и поехала по горной дороге теперь уже вниз, и это было ничуть не легче, чем карабкаться вверх по ее петлям: туман стал прозрачнее, дорогу я видела хорошо, но от оседающей влаги покрытие дороги стало мокрым и скользким.

К середине дня туман окончательно рассеялся, небо вдруг стало ярко-синим, какого я никогда не видела в нереальной жизни. Впереди горы стали снижаться и постепенно превратились в пологие холмы, а за ними до самого неба простиралась полоса еще более пронзительной синевы: я поняла, что вижу перед собой Миланский залив Средиземного океана.

Дорога подошла к краю обрыва над долиной, уходящей к самому берегу. Я остановилась и вышла из джипа. Мои руки и лицо охватило теплым ветром, пахнувшим морской водой и дикими растениями, и это были очень приятные запахи, хотя и насквозь нереальные. Впрочем, может быть, мне это показалось, поскольку сама-то я отнюдь не благоухала...

Странное дело, Средиземное море во время Катастрофы разлилось почти вдвое и поглотило часть стран Средиземноморья, превратившись в океан, однако этот океан не производил такого гнетущего впечатления, как Дунайское и Европейское моря. Может быть, дело было в солнце, сиявшем с этого абсолютно реального по цвету синего неба, ведь теперь так редко удастся увидеть солнце. Или это ветер, казавшийся таким чистым, несмотря на явно растительные запахи...

А может быть, дело в том, что в той стороне, куда я сейчас смотрю, далеко-далеко, на острове Иерусалим, в своей Башне уже давно не спит наш Мессия, работает и думает о всем мире, о всех людях и обо мне. Я вдруг вспомнила, что ни вчера, ни сегодня не пела вместе со всеми наш замечательный Гимн, ведь я не смотрела передачи новостей, всегда заканчивающиеся Общим Гимном. Я выпрямилась, набрала побольше воздуха и громко запела:

Союз нерушимый народов свободных
сплотил ты навеки, Мессия-отец!..

Еще никогда в своей жизни я не пела Общий Гимн с таким воодушевлением. Я допела его до конца и решила, что следующим моим путешествием, а вернее паломничеством, будет полет в Иерусалим: сколько можно откладывать то, что обязан хотя бы раз в жизни совершить каждый житель планеты! Я так разволновалась, что пришлось разыскать в аптечке успокоительное, а потом подождать, пока оно начнет действовать.

До места я доехала в середине дня. Бабушка сказала: «Ты свернешь на дорогу, обсаженную пиниями и кипарисами. Это деревья, похожие на мой зонтик: пинии – на раскрытый, а кипарисы – на сложенный. Дорога приведет тебя к белой вилле, стоящей на скале над самым океаном». Дорогу и деревья, «бабушкины зонтики», я нашла без труда: от основной дороги туда вел съезд и на нем стоял указатель «Вилла Корти». Отсюда вниз спускалась белая известковая дорога. Похоже, что это была не просто старая, а древняя дорога: она была такой узкой, что если бы навстречу мне попался самый крошечный одноместный мобиль, мы не смогли бы разъехаться. Слева за невысокой оградой тянулся сад, а справа был крутой обрыв, за которым виден был океан. Но вилла, к которой привела меня дорога, оказалась не виллой, а настоящим беломраморным дворцом, ослепительно сверкавшим на солнце. Ограды вокруг никакой не было, дорога, сузившись, подошла к просторной площадке для мобильных возле самого дворца. Одинокий мобиль стоял на ней – и какой мобиль! Огромный, красно-белый, с прозрачной купольной крышей и золотыми ручками на дверцах, это вам не какой-нибудь жалкий мобишка реалиста четвертой категории! Я даже постеснялась ставить запыленный бабушкин джип рядом с этим красавцем и припарковалась на другой стороне площадки. Отыскав в салоне пакет, который бабушка велела передать ди Корти, я направилась к ступеням, поднимавшимся на террасу, уставленную огромными керамическими горшками с деревьями в цвету. На террасу выходили большие белые двери, а рядом я увидела звонок. Я подошла к дверям и позвонила. Где-то внутри дворца прозвучала короткая приятная мелодия, двери отворились, и передо мной появился старик в нарядном костюме, обшитом серебряным галуном. Я догадалась, что это дворецкий.

- Что угодно синьорине?
- Мне нужен синьор Ромео ди Корти.
- Ромео ди Корти-старший или Ромео ди Корти-младший?
- Полагаю, старший.

– Пройдите в гостиную, синьорина. Я доложу о вас. Но если синьор изволит вас принять, все равно придется немного обождать: синьор не совсем здоров. Как прикажете о вас доложить?

- Скажите, что я приехала по поручению госпожи Елизаветы.

Дворецкий провел меня в потрясающе красивый зал, и мне сразу показалось, что я нахожусь в Реальности времен средневековой Италии. Мраморные стены, потолок и даже проемы дверей и окон были украшены каменной резьбой и позолотой. Статуи и зеркала, тяжелые столы с мозаичными столешницами, мраморные скамьи вдоль стен, а на стенах большие картины в широких золотых рамах – с первого взгляда было очевидно, что это подлинно старинные вещи. Даже пол был выложен мраморной мозаикой. И все это великолепие сверкало такой чистотой, что хотелось каждую вещь потрогать руками, включая блестящие белые занавеси на окнах, уложенные красивыми складками. Такие занавеси называются «лампбрекенами», мы это проходили в школе декораторов, но до сих пор мне приходилось встречать их только в эскизах интерьеров и в Реальности. Очень хотелось подойти и погладить рукой блестящие складки: интересно, это настоящий шелк или пластиковая имитация? От проверки меня удержало лишь то, что сама я была такая грязная – вдруг от моих рук на ткани останется пятно? О Месс, сейчас выйдет хозяин всего этого великолепия, а от меня воняет! И жалкий мой костюм уже успел порядочно измяться, а в нескольких местах даже лопнул...

Я достала из кармана пакетик с гигиенической салфеткой, вскрыла его и попыталась оттереть от грязи хотя бы лицо и руки. По чудесному залу поплыл резкий запах. Я скомкала салфетку и сунула ее обратно в карман.

– Это вы приехали от Елизаветы? – раздался дребезжащий старческий голос за моей спиной. Я обернулась и вскочила со скамьи: лысый старичок в красном халате совершенно неслышно вошел в зал через боковую дверь. Он был маленький, ссохшийся от старости и какой-то суетливый; спереди его халат был в сальных пятнах. Я сразу же успокоилась относительно своего вида и аромата: хозяин гостиной подходил к ее роскоши еще меньше, чем я.

- Вы привезли мне обещанное синьорой Елизаветой?

- Да, привезла. Вот пакет для вас.

Он схватил протянутый пакет обеими руками, чуть не уронив его, прижал к груди и, оглядываясь, засеменил к той же двери, из-за которой так неслышно появился.

- Ступайте за мной! И поживей, прошу вас! Я и так вас слишком долго жду...

Я послушно отправилась за ним. Мы вышли в длинный светлый коридор с большими окнами по одной стороне, выходившими прямо на океан. Вдоль противоположной стены высокие, белые с золотом двери чередовались с бронзовыми светильниками и мраморными статуями. В конце коридор этот упирался в дверь, за которой была лестница. Мы поднялись по ней, миновали широкую площадку со скамьями для отдыха и растениями в резных мраморных ящиках, похожих на саркофаги. Мы ее пересекли, поднялись еще на один этаж и вышли в коридор гораздо более скромный, чем нижний: окна в нем тоже глядели на океан, но были вдвое меньше, чем внизу, и уже не было ни светильников, ни статуй. Старик подошел к одной из дверей, вытащил ключ из кармана халата и бестолково начал тыкать им в замочную скважину допотопного дверного замка. В конце концов он попал куда надо, повернул ключ и открыл дверь.

- Проходите скорей! Какая вы нерасторопная!

Я вошла. Он быстро запер за нами дверь и облегченно вздохнул. Мы оказались в довольно большой комнате, сплошь заставленной высокими книжными шкапами с застекленными двер-

цами. Ни в жизни, ни в Реальности никогда не приходилось мне видеть столько книг сразу. У бабушки их было во много раз меньше, а я-то считала, что у нее их больше чем надо.

– Садитесь куда-нибудь! Не торчите! – буркнул старикашка, а сам положил пакет на стол и начал бережно его разворачивать. Наконец в его руках оказалась большая толстая книга.

– Она! Это в самом деле она! – завопил он восторженно и визгливо и тут же испуганно зажал себе рот обеими руками. – Библия с иллюстрациями Густава Дорэ. Первоиздание!.. Боже мой, а я сомневался, я думал, что их уже не осталось на земле! Понимаете ли вы, что вы мне привезли? Не-ет! Где вам понять, молодым дикарям...

Он прижимал книгу к своей засаленной груди, любовался ею, держа на вытянутых руках перед собой, а потом вдруг взял и поцеловал ее! Я отвернулась, чтобы сдержать тошноту, представив, сколько рук прикасалось к этой драгоценной реликвии и сколько на ней микробов и пылевых клещей.

– Я вам дам за нее столько макарон, сколько вы сможете увезти! – торжественно провозгласил он, наконец успокоившись. Я молчала, пораженная: бабушка ни словом не обмолвилась ни о каких макаронах, она только сказала мне, что в обмен на книгу я получу груз, который надо погрузить в джип, оставив хозяину пустые картонные ящики. Подумать только – макароны! Неужели бабушка не знает, что из двадцати пяти меню стандартного едальника десять содержат это «редкое» кушанье: стоило гонять меня в такую даль за макаронами! Ах, бабушка... Стареет она у меня, стареет...

Старик велел мне ожидать его в библиотеке, а сам вышел, не забыв запереть меня среди его драгоценных книг. Вернулся он довольно скоро, одетый в старомодный костюм из тянущейся ткани – трикотажа. Такие костюмы в прошлом называли «спортивными», хотя, по моему, они были неудобными не только для занятий спортом, но для любых движений вообще, поскольку состояли из двух отдельных частей – брюк и фуфайки.

– Мы сейчас поедem за макаронами прямо в вашей машине, – сказал он. – Идемте!

Мы спустились вниз и вышли из дворца, никого не встретив по дороге. Подойдя к джипу, старик полез в кабину, бросив мне через плечо:

– Садитесь на пассажирское место. Я поведу машину сам, вы не знаете дороги!

Он взялся за рулевое колесо и подергал его.

– Вы что, ехали на электронике по горам? Сумасшедшие дети, они совсем не думают о смерти... Разве можно так рисковать?

Он что-то подкрутил, чем-то пощелкал, потом включил двигатель и начал выезжать, крутя руль обеими руками. Надо сказать, у него это получалось довольно лихо. Когда едешь на электронике, повороты требуют особого внимания и отнимают массу времени, ведь надо нажать несколько кнопок одну за другой, и только потом, получив задание, электроника срабатывает и заставляет мобиль двигаться в нужном направлении: именно поэтому большинство людей предпочитает езду с помощью автоводителя. Лихая езда старого синьора ди Корти больше всего напоминала реальную скачку на лошади: его сухие, в коричневых пятнах руки свободно лежали на руле, легко, как бы играючи, вертели его, и джип, будто живое существо, тут же отзывался на каждое движение руля.

В десяти минутах езды от белого дворца мы въехали в огромный запущенный фруктовый сад, мимо которого я уже проезжала. Все деревья в нем цвели, и запах цветов густой волной вливался в открытые окна джипа.

– Слышите, синьорина, как благоухают эти красавцы? Какой это был когда-то сад! Какие он приносил доходы! Но закройте-ка лучше окно с вашей стороны.

– Да, запах слишком ядреный, как сказала бы моя бабушка.

– А кто у синьорины бабушка?

– Как это «кто»? Елизавета Саккос, конечно!

– О мамма миа! Что же вы не сказали сразу? – он восторженно вскинул вверх обе руки, бросив руль и повернувшись ко мне. – В самом деле, как это я сам не догадался? Ведь вы так похожи! А как же вас зовут?

– Кассандра Саккос!

– Очень приятно!

Джип во время его пылких излияний шел сам по себе, никем и ничем не управляемый.

– Мне тоже. Только держите, пожалуйста, руль хотя бы одной рукой!

– О, не беспокойтесь, эта машина меня хорошо знает! – и он коснулся руля одним пальцем. – А окно все-таки закройте. В моем бедном саду после Катастрофы появились пчелы-убийцы, поэтому пришлось его забросить: никто теперь не хочет в нем работать даже за фрукты и макароны.

Я судорожно завертела ручку окна. Про пчел-убийц я все знала из новостей: люди быстро умирали после их укуса, но перед этим страшно мучились и раздувались, превращаясь в огромные человекообразные подушки.

Старик между тем все оглядывался и оглядывался на меня. И что это он меня рассматривает, будто я красотка на экране персоника? Потом он вздохнул и проникновенно произнес:

– В ваши годы Елизавета Саккос была очень красива, очень. А как умна, а какое сердце! Я ее любил почти так же, как мою макаронную фабрику.

– А когда вы познакомились с моей бабушкой?

– Еще до Катастрофы, лет тридцать тому назад.

Тридцать лет тому назад бабушка была вдвое старше, чем я сейчас, она уже тогда была старой и навряд ли в нее влюблялись мужчины. Впрочем, кто их поймет, этих стариков-чудаков.

– Вот мы и подъезжаем!

Сад кончился, и впереди я увидела руины заводских строений, обнесенные оградой из металлической сетки, почти сплошь поросшей вьющимися растениями. Мы въехали на территорию фабрики, минуя бетонные столбы, на которых некогда висели железные ворота, ржавевшие теперь в траве возле дороги, и заколесили между полуразрушенных зданий с окнами без стекол, с проемами без дверей и провисшими железными крышами.

– Вот это и есть моя макаронная фабрика! – гордо сказал ди Корти. – Ее построил еще мой прапрадед.

– Бывшая фабрика? – уточнила я.

– О нет, моя дорогая синьорина, о нет! Все мои предки тянули макароны, тяну их и я. И никто не заставит меня бросить семейное дело только потому, что мир сошел с ума! Но, слава Богу, и в этом безумном мире есть еще люди, которые ценят настоящую еду, приготовленную нормальным способом. Такие, например, как ваша замечательная бабушка. А ведь она даже не итальянка, как прочие мои клиенты! Конечно, есть риск в том, чтобы снабжать людей едой помимо Центра питания, но мы-то с вами знаем, как делаются такие дела...

Я, честное слово, не знала, но согласно кивала головой в ответ на все, что говорил этот безумный макаронник. В конце концов для меня важно было одно: это именно тот ди Корти, к которому меня послала бабушка. Ошибки быть не могло: он ждал от нее именно ту книгу, которую я привезла, ему был знаком бабушкин джип, и он когда-то был влюблен в Елизавету Саккос. Теперь нужно было получить от него макароны и доставить их бабушке, а там она может их съесть, продать или посадить на грядках в огороде – мне решительно все равно.

Мы проехали через всю замусоренную территорию бывшего макаронного гиганта до стены высоких мрачных деревьев. Под ними я разглядела неширокий быстрый ручей, текущий со стороны гор. На берегу ручья под деревьями притаилось небольшое строение из дикого камня, крытое разноцветной от старости черепицей и похожее на таинственную заброшенную

мельницу. Ди Корти остановил машину возле этой симпатичной развалины и торжественно произнес:

– Отсюда когда-то все начиналось, а теперь здесь и заканчивается. Эту макаронную фабрику собственноручно построил с сыновьями мой прапрадед. Каково, а?

– Очень красиво, – искренне сказала я. – Это похоже на старую мельницу.

– Вся в бабушку, такая же умница... хотя и не такая красавица! Здесь действительно была когда-то и мельница. В те годы, когда мой прапрадед начинал наше семейное дело, на фабрику привозили зерно, прямо здесь его и мололи. Тесто в те годы замешивали вручную, и это была самая трудная часть работы. Правильно замесить тесто для макарон – это настоящее искусство! Вы знаете, итальянцы всегда высоко ценили всякое искусство, именно поэтому им удалось то, до чего не смогли дойти другие народы. Подумайте сами, все народы знают хлеб, но макароны! Макароны изобрели мы, итальянцы! В Америке прошлого всех итальянских эмигрантов, не разбирая их профессии, почтительно называли «макаронниками». Это о чем-то говорит, не правда ли, синьорина?

– Разумеется, синьор ди Корти!

– Вы можете намекнуть мне на китайскую лапшу. Знаю, пробовал. Это всего лишь сухой клейстер для бумаги, и его хорошо использовать для реставрации старых книг. Кроме того, ведь речь идет об использовании пшеницы, а не риса. Макароны должны быть только из пшеничной муки! И это когда-то понимали все: у нас в прошлом был огромный экспорт по всему миру. А здесь, в Италии, ни свадьба, ни похороны не обходились без макаронного блюда. Потом на смену рукам пришли машины, потом – электроника, а качество макарон все падало и падало... А теперь мир покатился известно куда, и только немногие люди, вроде вашей замечательной бабушки, сохранили верность настоящим макаронам. И пока они есть, фабрика ди Корти будет работать! Вот только муку доставать все труднее и труднее. На этих отвратительных заводах питания весь процесс дьявольски механизирован: в один конец трубы засыпают зерно, а из другого получают пластиковые упаковки с вареными макаронами. Ну какой там у них может быть вкус... Но сегодня, синьорина, вы будете есть на ужин настоящие макароны фабрики ди Корти!

Он подогнал джип к дверям своей фабрики и заглушил двигатель. Мы вошли внутрь. Признаться, я была разочарована, увидев только гудящий закрытый агрегат, перед пультом которого сидел в обычном персональном кресле черноволосый юноша. На голове у него был обруч, и следил он не за пультом макаронного агрегата, а за перестрелкой американцев с индейцами на экране: его персоник стоял прямо на макаронном пульте.

Ди Корти подошел к бедному ковбою и с душераздирающим воплем сдернул обруч с его головы. На экране все замелькало, заскрежетало, захлопало, элегантная ружейная перестрелка превратилась в пулеметную пальбу – потом экран потух. Юноша, оглушенный, сидел с минуту в полной прострации, потом отер со лба выступивший пот и обернулся к ди Корти.

– Хозяин! Вы когда-нибудь угробите меня вашими штучками! Я не переносу, когда меня так резко вырывают из Реальности!

Ди Корти сказал длинную фразу по-итальянски и замахал руками как мельница. Работник ответил не менее выразительной тирадой, размахивая руками еще шире – они у него были длиннее. Потом они заорали друг на друга одновременно и стали похожи на два сцепившихся винтами вертолета. Потом оба взглянули на меня и перешли на планетный.

– Я еще вас не познакомил? – обратился ко мне синьор Корти. – Рекомендую: Леонардо Бенси, единственный и, к сожалению, незаменимый работник моей фабрики. А это – синьорина Кассандра Саккос.

– Неужели синьорина и впрямь так любит макароны? – спросил юноша, изумленно уставившись на меня огромными черными глазами. – По ее фигуре этого никак не заподозришь.

– Да! Да! Я же тебе итальянским языком говорю, – сказал ди Корти на планетном.

Я решила, что пора и мне принять участие в этой беседе.

– Я без макарон просто жить не могу. Болеть начинаю, если долго их не ем. – Для убедительности я взмахнула обеими руками, потом правую прижала к животу, а левую – к сердцу. – Моя любимая бабушка тоже их обожает. Она просила передать, что вскоре ей понадобится еще такая же партия. Мы с ней готовы за макароны отдать все – деньги, книги, честь и собственные души...

– Я беру только книгами, – буркнул ди Корти. Но он уже остывал, получив от меня поддержку. – Остановливай фабрику, Леонардо. Пойдем грузиться.

Леонардо не глядя ткнул в какую-то кнопку на пульте, макаронный агрегат с облегчением всхлипнул и затих.

На фабрике оказалось еще одно помещение – это был склад готовой продукции. На железных стеллажах стояли знакомые мне картонные коробки, только теперь каждую из них кокетливо обвивала крест-накрест широкая красная лента с жирной надписью белым «Корти – макароны». Коробки были тяжелые, Леонардо носил к джипу сразу по две штуки, а мы с хозяином по одной. С погрузкой мы провозились до темноты, долго устанавливая и переставляя коробки в салоне джипа, стараясь вместить побольше. Мое спальное место тоже заняли макаронами, но я решила с этим не спорить: в конце концов можно поспать одну-другую ночь и на передних сиденьях.

– Вы сейчас же поедете назад? – спросил ди Корти, когда мы закончили.

– Бабушка не разрешает мне ездить по горам ночью.

Старик, похоже, немного растерялся.

– Э... Видите ли, синьорина... ваша бабушка всегда ночевала у меня, но я представлял ее семье как свою старую любовь.

– А вы не можете представить меня семье как свою новую любовь?

Старик окинул меня оценивающим взглядом и pokrutil головой:

– Семья этого не поймет.

Уау! Не будет мне сегодня ни душа, ни чистой постели, ни ламбрекенов...

– В таком случае, чао, синьоры! Милле граacie за макароны! – этими словами был исчерпан почти весь мой итальянский словарный запас, но он произвел нужное впечатление.

– Стойте! – заорал ди Корти, видя, что я открываю дверцу кабины. – Леонардо, осел ты этакий! Да будь же кавалером, разве ты не итальянец? Пригласи синьорину переночевать у тебя!

– Я бы с радостью, но как я могу оставить фабрику?

– Хитрец! Лентяй! Ты и так работаешь всего по часу в день, ровно вдвое меньше, чем работал бы на Мессию! Да и добрую половину этого времени ты проводишь, гоняясь за индейцами. Ладно, на завтра я объявляю тебе выходной.

– Завтра у меня и так выходной, с вашего позволения, завтра – восьмерик, хозяин. А послезавтра, в одинник, я хотел навестить свою тетушку, у нее день рождения – надо поднести ей пачку макарон, она будет рада.

– Негодяй! Ты хочешь остановить фабрику на два дня?!

– На три. Вы же знаете, как далеко живет моя тетушка.

– Нет!!!

– Да!!!!!! А иначе я объявлю забастовку на всю следующую неделю.

– Трижды и четырежды прохвост! Забирай синьорину и проваливай на три дня!

– Благодарю, хозяин. Я знал, что вы всегда меня поймете. Поехали, синьорина!

– Э! Сначала отвези меня на виллу! Не на джипе же мне ехать. Я не хочу, чтобы он лишний раз мелькал у меня перед домом.

– Макаронщик. Грузчик. Да еще и личный шофер! – Леонардо скрестил руки на груди и печально уставился на запыленные балки потолка.

– Хорошо-хорошо, не будем спорить! Можешь гулять четыре дня.

На этот раз они вели свою перебранку на планетном, и я ею просто наслаждалась: в ней было столько экспрессии и жизни, как будто она происходила в Реальности. И откуда у них берется столько энергии? Неужели это от макарон?

Мы втроем уселись в старенький мобиль юного макаронщика и отвезли ди Корти на виллу, а сами отправились домой к Леонардо. Он жил в маленьком, явно старинном итальянском городке на берегу океана, сохранившемся с докатастрофических времен. Городок назывался Бергамо. Там, конечно, тоже были тысячеквартирные типовые дома, построенные по проекту, одобренному Мессом, но холостяцкая квартирка Леонардо располагалась в небольшом двухэтажном доме напротив парка, снаружи старом и даже обветшалом на вид, а внутри перестроенном соответственно требованиям цивилизации. Значит, подпольная фабрика макарон все-таки приносила хороший доход: не многие сейчас могут позволить себе снимать квартиру из двух комнат и кухни, ну и гигиен-комнаты, конечно. Там я провела почти добрый час, переделась в бабушкин костюм, висевший на мне как на вешалке, проверила здоровье. Как ни странно, все показатели были в норме – это после стольких-то приключений и волнений! А ведь макарон я еще не ела...

Мне понравилась кухня Леонардо, в которой, кроме едального столика, стояла не деревянная, как у бабушки, а гигиеничная пластиковая кухонная мебель. Мы действительно ели на ужин макароны, которые Леонардо приготовил собственноручно, нацепив специально для этой процедуры поверх зеленого комбинезона миленький фартучек с оборочками.

– Моя подружка недавно меня оставила. Это было для меня большое горе. А потом я обнаружил, что она оставила на кухне свой фартучек, и утешился, – болтал он, колдуя над плитой.

Я успела изрядно оголодать в дороге, а потому ждала макарон с нетерпением. И нетерпение мое было вознаграждено: это были потрясающие макароны с божественным томатным соусом! Я так Леонардо и объявила. Он скромно расцвел:

– Вы поработали на свежем воздухе, отсюда и аппетит. Если бы вы попробовали макароны, которые готовит хозяин! Он иногда заезжает ко мне, и мы устраиваем холостяцкую пирушку. Но сын держит его под контролем, и ему так редко удается улизнуть.

После ужина мы прошли к персонику Леонардо в его спальню. У него оказался второй обруч, он дал его мне и впустил в свою Реальность, усадив в обыкновенное кресло, которое притащил из гостиной.

В этой симпатичной Реальности я попала в плен к индейцам Мексики, и они спрятали меня в пирамиде под охраной жрецов-зомби. По сюжету Леонардо я должна была там сидеть, красуясь и тоскуя, распевать от страха лирические итальянские песни и с нетерпением ждать, когда Леонардо перестреляет всех индейцев, потом жрецов и освободит меня. Но я предложила свой вариант: я не трачу время на печаль и песни, а ловко обманываю жрецов, выдав себя за белую богиню, обшариваю пирамиду, узнаю все ее тайны и нахожу спрятанный в ней клад. Потом я выбираюсь из нее самостоятельно и бегу навстречу Леонардо. Мы встречаемся в джунглях, вместе отбиваемся от индейцев и диких зверей. Леонардо с этим сценарием согласился, но внес свои коррективы: сцены приключенческие перемежались любовными и сопровождалась его великолепным исполнением итальянских песен. В любовных сценах он был очарователен. В жизни он был вполне заурядным худощавым юношей со смуглым лицом и коротко остриженными черными волосами, приметными в его лице были только непропорционально большие глаза да длинный смешливый рот. В Реальность он вышел белокурым гигантом с голубыми глазами, длинными вьющимися волосами и короткой бородкой. Он был самоуверен, галантен и нежен, только все никак не мог понять, почему в лирических сценах я не разрешаю ему идти до конца.

Победив индейцев, мы тайно вернулись к пирамиде, обошли все запрятанные в ней ловушки и унесли золото жрецов в замок Леонардо, похожий на виллу ди Корти, только еще роскошней. В замке было полно гостей, в большом зале играл оркестр и танцевали пары. Мы с Леонардо долго кружились в вальсе под музыку Штрауса. Так что день этот все-таки закончился ламбрекенами.

Мы сняли обручи, вернулись на кухню и доели остатки наших макарон, запивая их красным вином, а потом Леонардо устроился спать на диване в гостиной, а мне уступил свою деревянную кровать в спальне. Я чудно выпалась без всякого снотворного, что случается не так уж часто. Несомненно, эта поездка была мне на пользу!

Утром Леонардо проводил меня на своем мобиле до самого перевала. По дороге мы несколько раз останавливались, и он учил меня обращаться с рулем. На серпантине горной дороги это оказалось и в самом деле удобней и безопасней, чем ехать на электронике, – лучше чувствуешь и дорогу, и машину.

Прощаясь на перевале, Леонардо сказал мне:

– В следующий раз, Сандра, приезжай прямо на фабрику к пяти часам или ко мне, если не застанешь меня на работе. Учти, что Ромео ди Корти-младший не любит тех, кто любит макароны, и лучше тебе с ним не встречаться: он запросто может устроить какую-нибудь пакость. Старик сделал когда-то глупость и передал ему капитал и все имущество, кроме сада и макаронной фабрики. Сыночек спит и видит избавиться от того и другого, но для ди Корти-старшего смысл жизни заключается в производстве макарон. По возрасту и состоянию здоровья старик созрел для эвтаназии, но добровольно он на нее не пойдет, он ведь еще и тайный католик. Сын отправляет его на принудительную эвтаназию не хочет, но отравляет ему жизнь как может. Для этого он и старается отвадить последних покупателей макарон, и ему это удастся.

– Зачем он это делает?

– Я думаю, только из страха, потому что вообще-то он любит отца. Но ди Корти-младший входит в третий, а может быть, уже и во второй круг приближенных Мессии, в Семью, как это называется. Макароны ему еще простили бы, хотя фабрика уже давно существует нелегально, но вот продажа макарон не через планетную сеть – это довольно рискованный бизнес. Словом, сыночку хобби отца может повредить в его карьере. Он шпионит за стариком, но сам же его и покрывает. А вот с покупателями макарон он обычно не церемонится, так что будь осторожна. Приезжай, привози книги для старика, а макароны я для тебя приготовлю заранее. И ночевать ты теперь всегда будешь у меня: мне хочется познакомиться в следующий раз с твоей Реальностью. Уверен, она не хуже моей! У тебя дар реалистки, ты знаешь об этом?

– Догадываюсь. Я думаю, что приеду еще. До скорой встречи!

– Чао, кара Сандра!

Я знала, что «кара» значит по-итальянски «дорогая». И тут я вспомнила словечко, которым решила удивить напоследок своего нового друга:

– Чао, мио Леонардо!

Это значило: пока, мой Леонардо. Ну прямо как в Реальности!

Глава 5

О братная дорога заняла у меня гораздо меньше времени, чем дорога туда: я обошлась всего одной ночевкой. Без приключений. Только вот спать на передних сиденьях оказалось совершенно невозможно, пришлось ночью вытаскивать часть коробок на дорогу и запихивать их под джип на случай дождя, а в джипе расстелить матрац и спальный мешок.

Бабушка меня встретила, сияя от радости.

– Как скоро ты обернулась! Ах, Санечка, ты даже не представляешь, что ты для меня сделала, как выручила меня!

– Очень даже могу, я снабдила по крайней мере на год любимую бабушку любимыми ею макаронами.

– Любимыми макаронами? Да я их терпеть не могу!

– Вот те раз! Для кого же я старалась?

– Для людей, которые сами не могут купить себе макарон, но отчаянно в них нуждаются. Если бы я была здорова, я бы сама их теперь им отвезла, но придется просить, чтобы за ними кого-нибудь прислали.

– Бабушка, я могу их отвезти куда надо.

– Нет, детка, об этом не может быть и речи. Это слишком рискованно.

– Что ты, бабушка! Я многому научилась в этой поездке, даже управлять твоим джипом с помощью рулевого колеса. Почему ты считаешь, что я не могу доставить этот смешной груз куда надо?

– Потому. Давай рассказывай, как прошла поездка. Вообще-то, я и сама вижу, что совсем неплохо: макароны ты привезла и потратила на дорогу почти вдвое меньше времени, чем это уходит у меня. И сама ты посвежела и даже немного загорела. Сейчас я поставлю чайник, и за чаем ты мне все подробно расскажешь.

Вскоре мы уже сидели за ее чайным столиком и я вела рассказ, а бабушка переживала, ахала и охала, а в некоторых местах смеялась до слез, слушая мою повесть. Больше всего ее насмешила история с утренним пожаром в лесу и нападением диких птиц на мой джип.

– Глупышка! Неужели ты забыла, что такое утренняя заря и как поют птицы на рассвете? Это они ликовали, встречая солнце!

– Хорошенькое ликованье – когтями по железной крыше! Я едва от них унесла ноги...

– Ничего бы они тебе не сделали. Ты можешь завтра на рассвете выйти в сад и услышать то же самое. Только зарю ты навряд ли увидишь, ведь тут у нас так редко бывают солнечные восходы.

– Я еще не сошла с ума, чтобы бегать утром по саду. Но я могу это проверить в Реальности: выйду на рассвете из нашего замка и посмотрю, как будут вести себя птицы.

– Могу тебе сказать заранее – так, как это запрограммировано режиссерами вашей так называемой Реальности.

На это мне ответить было нечего, поскольку и вправду весь мир Реальности существует только благодаря колоссальному количеству программ, составленных реалистами, в число которых вхожу и я, скромный декоратор четвертой категории.

Меня удивила реакция бабушки на мой рассказ о том, как я гостила у Леонардо.

– До чего дошел этот мир, если итальянец проводит весь вечер с красивой девушкой, тупо уставившись в экран! Даже старик ди Корти не позволил бы себе такого!

– Уа, бабушка, ты попалась! Он на что-то такое между вами намекал. Он сказал, что его семья считает тебя его бывшей возлюбленной.

– А, вот в чем дело! Старый чудак действительно представил меня в этом качестве двоюродному, зная, что тот обо всем доносит настоящему хозяину, ди Корти-младшему. С тех пор

дурак-дворецкий всегда устраивает меня в «синей комнате» для гостей, в которой останавливались настоящие любовницы старика, когда он еще не был стариком; из этой комнаты потайная лестница ведет прямо в его апартаменты, но могу тебе поклясться, что мы с ним ею ни разу не воспользовались! А комната прелестная – вся синяя и золотая, с большой ванной...

– Вот как тебя, бабушка, принимают на вилле Корти: комната с золотом, с ванной и даже с потайной лестницей! А твою бедную внучку дальше гостиной и захламленной книгами библиотеки никуда не пустили. Меня принимали более чем скромно – меня постарались поскорее выставить.

– Ты знаешь, Ромео поступил очень предусмотрительно, отправив тебя к Леонардо: его сын и в самом деле человек опасный. Проще говоря, он – человек Месса.

– Разве не все мы люди Месса?

– Ну что касается меня, то я определенно нет, а вот ты... Но оставим это! Однако Леонардо здорово меня разочаровал.

– Что же, по-твоему, он должен был делать? Жениться на мне?

– Ухаживать за красавицей, развлекать ее, говорить комплименты, раз уж она попала к нему в дом, а не пялиться на экран.

– Бабушка! Но ведь красавицей я была как раз на экране, а не в кресле рядом с ним! И он развлекал меня и говорил мне комплименты, пел и даже обнимал, если хочешь знать.

– На экране персоника, в какой-нибудь глупенькой Реальности.

– Конечно! Он же не сексуальный маньяк, чтобы приставать к девушке в жизни.

– О, Господи! Мне вас не понять!

– О, Месс! Я тоже тебя не всегда понимаю, милая бабушка.

Но я видела, что она мною очень довольна, а ее ворчанье и подкалывания – это так, по укоренившейся традиции. Хотя она, конечно, и в самом деле хотела бы меня видеть с прической на голове, лучше всего из длинных волос, в цветной одежде и, может быть, даже с краской на лице: на фотографиях в ее многочисленных альбомах именно так выглядели красавицы в дни ее молодости. Но она забыла, с каким недоумением и осуждением смотрели люди на ее дочь-актрису, не боявшуюся публично демонстрировать психопатическую озабоченность своей внешностью и туалетами. Кстати, об одежде...

– Бабушка, ты знаешь, отчего я больше всего страдала в дороге?

– Понятия не имею, дорогая, но хотела бы узнать.

– От недостатка свежей одежды. Если мне еще придется ехать куда-нибудь при таких же условиях, мне надо брать по два костюма на каждый день: оказывается, я потею, а когда потею – воняю.

– Одежда – это не проблема.

– Очень даже большая проблема. Если я буду слишком часто браковать присланные костюмы и требовать замены, меня очень быстро уличат в обмане. Это тебе можно вольничать с одеждой, а мне присылают стандартную норму – семь костюмов в неделю.

– А нельзя дома носить один костюм по два дня и таким образом сделать запас на дорогу?

– Еще и дома не мыться и не переодеваться! Ты хочешь разводить на мне грибы, чтобы не ходить за ними в лес?

– Можно принять душ, а потом снова надеть тот же костюм.

– Совершенно невозможно! Сразу видно, что ты не носишь стандартных костюмов.

– Почему же не ношу? Я надеваю эту гадость, когда еду к врачу или по официальным делам, чтобы не объяснять каждый раз свои права. Но за макаронами я еду в шелковом костюме, имитирующем пластиковый. Хочешь взглянуть?

– Конечно, а вдруг он мне понравится?

Бабушка прошла в комнату смежную со спальней, в которой у нее стояли большие зеркальные шкафы с одеждой и которая звалась «гардеробной». Я пошла за ней. Она открыла один из шкафов и сняла с полки свернутый зеленый костюм.

– Бабушка! Но это же стандартный костюм!

– А вот и нет. Потрогай!

Она развернула костюм. На вид он был как обычный: свободный комбинезон с накладными карманами на груди и на штанах, с откидным капюшоном и поясом, который можно было завязывать узлом спереди или сзади или совсем не завязывать. Этот рациональный и удобный костюм носят все планетяне (за исключением русских, конечно, но Месс его знает, что они носят и как их вообще носит земля). Бабушкин костюм блестел так же, как блестят пластиковые костюмы, и по цвету он ничем от них не отличался, но когда я протянула руку и прикоснулась к нему, я сразу поняла, в чем тут разница: костюм был из натуральной ткани, а не из пластика, и чем-то напомнил мне роскошные занавеси на вилле ди Корти. Ламбрекены.

– Это шелк, бабушка?

– О! А ты, видно, и впрямь неплохой декоратор, если сумела сразу определить. Да, это шелк, причем очень хороший, китайский.

– И это можно носить прямо на теле?!

– Конечно. Я же это делаю. Шелк не только красив и прочен, он легко стирается, почти не мнется, и, главное, он гораздо полезнее для тела, чем этот пластик, из которого отливают стандартную одежду. Но только он надевается не на голое тело, как ваши пластиковые упаковки, а на белье. Ты еще помнишь, как ты носила белье в детстве, Санечка?

– Очень смутно. Это ведь было так давно...

– Даже у твоей матери память была лучше. Надо бы тебе ее специально потренировать – стихи наизусть заучивать, например, или начать учить какой-нибудь иностранный язык.

– Бабушка! Ну какие сейчас могут быть иностранные языки, что ты!

– Мы же вот говорим с тобой по-русски.

– Ах, ну это просто домашний язык.

Меня всегда ужасно огорчало, когда бабушка начинала сетовать на мою плохую память. Я не могла сказать бабушке, что воспоминания детства были удалены из моего сознания для моей же пользы. Бабушка так не считала, она думала, что они с дедом сделали все, чтобы дать мне счастливое детство. Я знала, какова была бы реакция, если бы она узнала о том, что я прошла адаптацию: она, с ее нелепой религиозностью и дикими представлениями о каких-то грехах, непременно во всем случившемся со мной в детстве обвинила бы себя, начала бы терзаться мыслями о том, что надо было дать моей матери денег на ее нелепые театральные проекты, но сохранить внучку. Она ведь не знала мою мать так, как узнала ее я! Никаких дедовых миллионов не хватило бы на затеи Софии Саккос, поскольку все они были обречены на провал. Ну оказалась бы я в адаптационной школе на три или на пять лет позже, что это дало бы мне, кроме лишних терзаний? Чем старше адаптируемый, тем тяжелее он переносит процедуру очищения памяти, некоторые даже умирают или сходят с ума. А так все получилось прекрасно: я и к современной жизни приспособилась, и бабушку, в конечном счете, не потеряла. Поэтому я улыбнулась и спросила:

– Бабушка! А можно мне примерить этот костюм? Мне интересно, как я буду себя чувствовать в одежде из природной ткани.

– Бога ради! Может быть, ты вспомнишь, как носила в детстве разноцветные платица и костюмчики из натуральных материалов. Тогда у тебя была такая упругая, здоровая кожа...

– У меня и сейчас абсолютно здоровая кожа, я ведь каждый день смотрю на индикатор здоровья, когда принимаю душ.

– А ты посмотри в зеркало на свое тело, когда ты без одежды.

– Уау! Стану я глазеть на голую женщину! Я не извращенка.

– Конечно, не станешь. У вас вместо зеркал – персоникки, ваши кривые зеркала, в которых вы видите и показываете другим не себя, а мечты о себе.

– Бабушка, ну как же ты не понимаешь! В Реальности, которую человек для себя избирает и изменяет по своему желанию, он как раз и выявляет свою сущность, свое подлинное «я». Вот поэтому мы не придаем значения ни одежде, ни своей внешности на грубом уровне действительности.

– И поэтому ходите все одинаковые, как оловянные солдатики, в зеленой защитной униформе, остриженные наголо и почти лишенные вторичных половых признаков. Ты только взгляни в глаза современных людей, особенно городских! Они обращены либо внутрь себя, либо на экран персоника. Они не смотрят ни на окружающий мир, ни на себе подобных, и потому в них отражается только глубочайшая внутренняя пустота. Впрочем, в твоих глазах ума и жизни все-таки побольше, чем у других. Гены, детка, непобедимые гены! Не знаю и не хочу знать, кто был твой отец, но твой дед был очень сильной и богатой личностью.

– Я знаю, он был сказочно богат до Катастрофы, но при чем тут гены?

– Я говорю о другом его богатстве. Верой и добротой Илиас Саккос был еще богаче, чем деньгами, именно поэтому его деньги творили добро. За исключением тех, которыми я выкупила у Месса свою независимость, но и эти деньги, даст Бог, в конечном счете послужат Богу.

– Каким образом деньги, отданные Мессии, могут послужить твоему Богу?

– Хотя бы тем, что моя свобода, выкупленная на них, служит Иисусу Христу, настоящему Мессии.

– Милая бабушка, в этом я ничего не понимаю, а потому и рассуждать об этом не хочу. Так что ты там говорила о белье? Сколько же всего должны были себе шить бедные женщины в прошлом!

– Бедные не шили – они все покупали в готовом виде. Шили себе одежду, а тем более белье только очень богатые женщины, но, конечно, не сами, а у хороших портных. Я и сейчас донашиваю то, что было когда-то куплено и сшито за большие, очень большие деньги. Если ты вздумаешь когда-нибудь вернуться к нормальной одежде, моих запасов хватит и на твой век.

– Дед тебя баловал, бабушка?

– Очень!

– А меня?

– Еще больше. Ты разве не помнишь, как ты его звала «добрый дедушка Фей»?

– Помню. А почему я его так звала?

– Потому, что он тебя баловал и осыпал подарками, как добрая фея Золушку. А он тебя звал «моя Сандрильона».

– Золушка и Сандрильона – это ведь одно и то же, это на планетном будет Синдерелла?

– Не на планетном, а на английском. Но вернемся к нашим баранам, а вернее, к их шерсти, а также к шелкам и хлопку. Не хочешь поносить что-нибудь из нормальной одежды?

– Но я ношу абсолютно и идеально нормальную одежду! Бабушка, стандартный костюм планетянина разрабатывался целый год комиссией из ста специалистов, неужели ты думаешь, у него есть недостатки?

– Да. И первый из них – он уродлив на вид.

– Может, и так, но это как раз не имеет значения. Любая современная женщина может одеваться не хуже, чем ты одевалась в прошлом, и без всякого мужа-миллиардера: выйдя в Реальность, можно мгновенно принять любой облик и нарядиться в какой угодно наряд. А вам приходилось одежду выбирать, заказывать, а потом еще следить за ней... С ума сойти, сколько хлопот!

– Представь себе, Санька, большинство из нас от этих хлопот получало огромное удовольствие. Я вот только гладить не любила.

– Гладить? – Я провела руками по своим бокам. – А это еще зачем?

– Гладить одежду надо было не руками, а утюгом, и не на себе, а на специальной доске. Боюсь, тебе этого тоже не избежать, если ты захочешь пользоваться в дороге моими костюмами. После стирки их надо обязательно прогладить утюгом.

– Что такое стирка, я видела в Реальности. И этого никак не избежать?

– Ты избежишь. Стирать шелковые вещи я буду сама, тебе я шелк никак не доверю. Разве что белье...

Бабушка открыла другой шкаф, за дверями которого оказались полки, доверху набитые стопками изделий из ткани, в основном светлых тонов – розовых, персиковых, голубых, но больше всего было белого белья. Впрочем, на одной из полок лежали исключительно черные вещи. Порывшись на полках, она извлекла несколько вещей.

– Вот это майка. Сюда просунешь голову, сюда – руки, а потом натянешь на тело. Это трусики, их надевают через ноги. Одевайся здесь, а я выйду, чтобы не смущать тебя.

Оставшись в гардеробной одна, я сбросила костюм, неуверенно взяла в руки майку и тут, нечаянно повернувшись к большому зеркалу на дверце шкафа, вдруг увидела свое отражение. О мой Месс! Это какое-то кривое зеркало! Никак не может быть, чтобы это страшилище была я! Ничтожные обвисшие груди, торчащие ребра, впалый живот, руки-прутья и ноги-палки... И все это какого-то трупного, серого цвета! Я вскрикнула и закрыла глаза. Затем открыла их и машинально сосредоточилась, чтобы откорректировать свой облик на экране зеркала. Но обруча у меня на голове не было, а зеркало на мои мысленные усилия никак не реагировало: мой вид был все так же безобразен и жалок. Я закричала:

– Бабушка, бабушка, поди скорей сюда!

Перепуганная бабушка, стуча своей железной ногой, приковыляла в гардеробную. Она увидела меня без одежды, но никак на это не среагировала.

– Что случилось, детка?

Я продолжала тупо глядеть на свое отражение, и по моему лицу потекли слезы.

– Бабушка, бабушка, почему у меня такие тонкие ноги и руки?

– Ах, вон что! Потому что ты мало двигаешься. Это атрофия мышц.

– Бабушка, бабушка, а почему у меня такая серая и вялая кожа?

– Потому что ты не даешь ей ни воздуха, ни солнца, ни чистой воды. Это у тебя анемия.

– А почему я такая тощая?

– Плохо ешь, и всегда плохо ела, Санечка. Надо есть не гнусную кормежку из пластиковых коробок, а нормальную пищу, приготовленную из натуральных продуктов на живом огне.

– Бабушка! Я не хочу, я не могу быть такой противной! Это мерзость – быть такой! Скажи, ведь это не навсегда, это можно как-нибудь исправить?

– В первую очередь надо одеться, чтобы не простудиться. Твое тело еще не приспособилось к свежему воздуху.

Я быстро, стараясь не глядеть в сторону зеркала, надела белье, а затем шелковый зеленый костюм. В зеркало я больше не смотрелась, но бабушка сказала, что в пяти шагах не разобрать, настоящий это костюм или натуральный. Потом она повела меня поить чаем и утешать.

– С тобой ничего страшного не произошло, все это вполне поправимо. Все вы такие. Вы ведете нездоровую жизнь, а потому и выглядите, как дистрофики. Но взгляни на свое лицо, не бойся, вот тебе маленькое зеркало. Да взгляни же! Видишь, лицо у тебя гораздо моложе и здоровее остального тела. А знаешь, почему? Потому что ты его не упаковываешь в пластик. Да еще твоя поездка в горы и пребывание, пусть и недолгое, на солнце пошли ему на пользу – оно загорело и порозовело. Сколько часов ты провела вне машины, как ты думаешь?

– Часов пять, я думаю. Переход через Альпы в тумане, погрузка макарон, ну и по мелочи...

– А теперь скажи мне по-честному, за год обычной жизни ты проводишь столько времени на воздухе?

– Конечно, нет! Если мне нужно куда-нибудь поехать, я спускаюсь в гараж и сажусь в свой мобиль. Иногда, если на каком-то официальном «Титанике» нет гаража, я паркуюсь прямо на причале, но все равно под открытым небом я нахожусь минут пять-десять, не больше.

– Вот тебе и разгадка серой кожи.

– Но как же так! Я два раза в день становлюсь на площадку диагностика в комнате гигиены и смотрю на индикатор здоровья. Он сразу выдает сигнал, если у меня что-то не в порядке, и номер лекарства, которое надо найти в аптечке и принять. У меня набор из девяти лекарственных средств, который я получила из Медицинского центра, я ведь обследуюсь раз в год. И обычно диагностик показывает, что у меня все в порядке, разве что иногда бывает пониженное давление или нехватка витаминов и микроэлементов. Я сейчас же принимаю все что нужно и через несколько минут вижу на индикаторе, что все уже в норме.

– Тут, моя милая девочка, встает вопрос, а какова теперь эта норма? Пятьдесят лет назад ваша норма считалась бы признаком какого-то злокачественного заболевания, например синдрома хронической усталости, СПИДа или рака.

– Это ужасно звучит.

– Ужасно было, что ты сама себя не видела. Но теперь, когда глазки у тебя открылись, все можно изменить к лучшему. И главное здесь не внешность, а здоровье.

– А с чего надо начинать, чтобы стать другой?

– С твердого решения добиться этого. Вот ты простояла несколько минут перед зеркалом совсем голенькая и ведь не умерла от этого?

– Чуть не умерла!

– От шока, а не от простуды. Вот и начни с малого: попробуй хотя бы по пять минут в день ходить по своей комнате в трусах и майке, выпусти свое тело из этого отвратительного пластикового мешка. Хочешь, я подберу тебе одежду, чтобы ты здесь, у меня в гостях, могла ходить по-человечески?

– Я думаю, стоит попробовать...

– А еще хорошо бы тебе начать выходить на воздух каждый день, постепенно увеличивая время пребывания на свежем воздухе. Начни гулять по лесу, лежать на траве, купаться в озере...

– Бабушка, там же рыбы!

– Ну и что? Рыбы тебя не съедят, это ты их ешь. Можешь помогать мне в огороде и в саду.

– Ох, бабушка! И тогда я стану красивой, как в Реальности?

– Я полагаю, да. Ведь я и твоя мать, мы обе в твоём возрасте были красивыми и здоровыми... А чего это ты ежишься и чешешься?

– Воздух проходит сквозь одежду и царапает меня.

– Чушь! Просто твоя кожа не привыкла к нормальной одежде. Ничего, привыкнет.

– А еще мне холодно. Ноги совсем замерзли.

– Ах да! Я забыла предложить тебе колготки.

Колготки – это такой полукомбинезончик для ног и выше, немного тесный, но растягивающийся прямо на теле. В колготках стало гораздо теплее. По настоянию бабушки я целый час проходила в этой странной одежде, привыкая к ней.

На другой день после обеда, когда воздух прогрелся, я вышла из дома в бабушкином шелковом халате и немного погуляла в таком виде по саду. Слегка кружилась голова, я немного мерзла, но в общем мне это даже понравилось. Правда, я все время радовалась, что бабушкин остров такой уединенный и никто меня не видит. Купаться в озере я, конечно, не стала, но отважилась ополоснуть в нем руки и лицо, внимательно следя за рыбами: их было много, и

они подплывали совсем близко к берегу, принимая меня за бабушку – она их подкармливает вареной картошкой и кашей.

А еще через два дня была проверка моего нового костюма. Мы были заранее предупреждены о визите медицинской сестры и основательно к нему подготовились. Бабушка лежала в своей постели, демонстрируя слабость и неподвижность. В присутствии медсестры я самостоятельно сделала ей укол, и та сказала, что у меня это получается вполне профессионально: теперь она спокойна за свою самую старую пациентку и без особого вызова навещать ее больше не будет. Спросила, чем я ее кормлю и как развлекаю. Пришлось соврать, что я заказываю для бабушки диетические пакеты с едой, а развлекается она сама с помощью персоника.

– Ей нельзя будет еще месяца два вставать с постели, а потом мы начнем заново учить ее ходить, если, конечно, не случится осложнений и не встанет вопрос об эвтаназии.

– Какая может быть эвтаназия! У моей бабушки первая степень Почетной старости, она имеет все льготы и в том числе право на долгожительство.

Тут приветливая сестра нахмурилась и процедила недовольно:

– Мне это известно. Но Почетная старость не исключает права на добровольный уход из жизни в случае тяжелой инвалидности, и моя обязанность предупредить вас о такой возможности.

– Большое спасибо, вы уже предупредили, – прошипела я в ответ.

Но бабушка! Бабушка прошелестела слабеньким голоском:

– Благодарю вас, сестра... Мы с внучкой непременно обсудим эту прекрасную возможность моего безболезненного ухода из жизни, как только возникнет необходимость. А сейчас я очень устала и хотела бы уснуть...

Сестра удалилась. Проводив ее и убедившись, что она покинула наш остров, я вернулась к бабушке. Она уже скакала по комнате, позвякивая своей железной ногой.

– Она даже внимания не обратила на твой костюм, Санька!

– Сука она! Вампирка и дракониха!

– Ты чего на нее взъелась? Из-за предложения об эвтаназии? Глупенькая, это же ее обязанность. И не она установила этот закон, его еще в начале тысячелетия начали принимать одна страна за другой. Тогда многие врачи и медицинские сестры скоренько на этом разбогатели.

– Эвтаназия была такой дорогой?

– Нет. Под видом эвтаназии они устраняли за деньги неугодных кому-то людей, стоило тем попасть в больницу хотя бы с воспалением аппендикса. Надеюсь, что эта медсестра действует бескорыстно, но допускаю, что ей подсказали сделать мне предложение об эвтаназии.

– Бабушка! Ты никогда не умрешь!

– Таким способом – нет. Самоубийство – это великий грех перед Богом, непростительный грех. А вообще, я, конечно, умру, как и положено всем людям.

– Бабушка!

– Но возможно, что ни мне, ни тебе умирать вообще не придется. Все идет к тому.

– Не понимаю...

– Может быть, мы не умрем, но изменимся².

– Как это?

² Цитируется апостол Павел: *Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся, вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетлennыми, а мы изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие* (1 Кор. 15: 51–53). Автор выбирает именно эти слова апостола о воскресении и преображении человека, т. к. они неразрывно связаны с учением Православной Церкви о конце света, Страшном Суде и всеобщем воскресении из мертвых. Поскольку в романе описываются «времена Антихриста», то намек в словах Елизаветы Саккос следует отнести именно к ожиданию второго пришествия Христа, которое и прекратит существование мира в его нынешнем состоянии, и многие живые «избегнут смерти, но для воскресения им будет того недостаточно; а необходимо, чтобы тела и тех, которые не умрут, изменились и сделались нетлennыми» (см. свт. Феофан Затворник. Толкования посланий апостола Павла).

– Как предсказано в Писании. Но это слишком сложно для тебя, ведь ты в Бога не веруешь. Давай-ка лучше делать гимнастику. Ну-ка, руки в стороны, руки вверх, хлопок над головой! Раз, два, три, четыре!

И бабушка принялась муштровать меня, заставляя наращивать мускулы. Она взялась за меня со всей свойственной ей решительностью, и у меня почти не оставалось свободного времени, чтобы погрустить о своих покинутых реальных друзьях.

Утром я вставала теперь рано, как бабушка, вместе с солнцем. Я накидывала на голое тело старый бабушкин халат, обрезанный до колен, хватала ведро и босиком по еще холодным плиткам садовой дорожки бежала к озеру. На берегу я сбрасывала халат и заходила в воду по самые щиколотки, набирала ведром воду и трижды обливалась с головой. Каждый день, набирая первое ведро воды, я думала: «Нет-нет! Сегодня я не смогу! Только не сегодня!» – но я оглядывалась на дом и видела в распахнутом окне второго этажа бабушкино лицо и поднятую руку. Я знала, что она ждет, чтобы перекрестить меня, когда я наконец решусь и выплесну на себя эту ледяную воду. Зачем она это делает, я не понимала, но, видя в окне ее улыбающееся лицо, я преодолевала малодушие, поднимала ведро над головой обеими руками и... Уау! От холода у меня перехватывало дыхание, хотелось кричать от отчаянья и обиды – за что такие муки, к чему такие подвиги?! Но я не давала себе передышки и сразу же обливалась второй и третий раз. Отбросив в сторону пустое ведро, я хватала полотенце и бешено растирала им все тело. И мне становилось... жарко! Кожа пылала, а изнутри будто вырывалась какая-то сила и наполняла все тело радостью и желанием двигаться. Я надевала халат и бежала по дорожке вокруг озера. Потом, подхватив ведро, я бежала в дом, где бабушка ждала меня с завтраком. Я терпеливо ждала, пока она прочитает молитву, а потом набрасывалась на еду. Если раньше бабушка как-то считалась с моими привычками в отношении еды и разрешала мне заказывать стандартные упаковки, то теперь она настояла, чтобы я ела все то же, что и она. Еда была крайне примитивная, без пищевых добавок, и в первые дни у меня даже болел от нее живот, но через неделю я к ней привыкла и уже без отвращения съедала тарелку каши, которую бабушка готовила на маленькой плитке прямо в своей спальне. Потом я съедала вареное яйцо с куском черного хлеба и выпивала стакан сока. Вместо привычного энергетика бабушка давала мне кофе со сгущенным молоком. Сама она пила очень крепкий черный кофе, но мне его не разрешала даже попробовать, уверяя, что мое ослабленное сердце такого испытания не выдержит.

Вы думаете, после завтрака она давала мне отдохнуть? О, нет! «Сыта сама – накорми животных!» Я шла кормить кур в вольере и рыб в озере. Рыб кормить было просто: стоя на берегу, я ложкой брала из миски кашу, оставшуюся от завтрака, и кидала ее прямо в воду, а рыбы сплывались со всех сторон и жадно ее поедали. С курами было сложнее. Сначала я долго боялась входить в вольер: стоило мне войти к курам, как они бросались ко мне и, казалось, пытались расклевать меня вместе с зерном, которое я им бросала из ведра. К курам я продолжала испытывать брезгливость, особенно когда собирала в гнездах из соломы еще теплые яйца. За то время, пока бабушка была на острове одна, они нанесли кучу яиц в свои гнезда и уселись высидывать новых кур – цыплят. Бабушка велела мне убрать яйца из всех гнезд, кроме двух, а все остальные отнести в лес и оставить там: «Нам с тобой есть их уже нельзя, а в лесу найдутся любители». В двух гнездах я оставила по двадцать одному яйцу и больше к ним не подходила: будущие куры-матери уселись на них и норовили клюнуть меня, если я проходила слишком близко. Остальные несли ежедневно по яйцу, и эти яйца следовало собирать, относить в дом и укладывать в холодильник. После кормления животных я долго отмывала руки дезинфицирующим раствором, хотя бабушка и посмеивалась надо мной: «Ты же работаешь в перчатках!». Но тут уж она ничего не могла со мной поделать.

После кормления животных я шла в сад, где у меня было выбрано укромное местечко, расстилала прямо на траве большой кусок пластика, на него клала одеяло, а сверху чистую простыню, потом раздевалась и ложилась загорать, тревожно следя за тем, чтобы на меня не

села какая-нибудь муха. Такое случалось, и тогда я бежала в дом и принимала душ. Не водяной душ, а более надежный – аэрозольный, с добавкой дезинфекции.

Потом я шла в кухню и готовила обед для себя и для бабушки. Это было очень, очень трудно! Если бы она не руководила каждым моим шагом, сидя тут же в кресле-каталке и держа в руках поваренную книгу, мы бы с ней отравились блюдами моего приготовления. Но постепенно я дошла до того, что научилась даже печь нам на завтрак «русские оладьи», а на обед готовить «русские щи». И только от макарон бабушка решительно отказывалась, хотя я уверяла ее, что запомнила, как их готовил Леонардо.

Понемногу бабушка учила меня работать в огороде, но это было так сложно, что я предпочитала не вникать в тонкости, а просто исполнять то, что она мне поручала, – все равно не понять, если не иметь специального образования. Если бы выбор был за мной, я бы предпочла получать питание по индексу, а не мучиться с выращиванием овощей на грядках. Но бабушка уверяла меня, что ничто так не сохраняет здоровье, как работа на земле, и как было ей не поверить, ведь она сама была тому лучшее доказательство! И я копала грядки, сажала овощи, полола и работала в теплице до седьмого пота!

Была у меня еще одна небольшая нагрузка. Иногда бабушка предупреждала меня, что мы ждем гостей. Приезжали какие-то люди, разговаривали с бабушкой наедине, а потом я шла с ними в гараж, открывала салон джипа и выдавала им одну или несколько коробок макарон. Эти же люди увозили от нас яйца, рыбу, овощи и банки с вареньем – много всего. Чем они расплачивались с бабушкой, я не знаю. Со мной они не разговаривали. Я догадывалась, что это члены какого-то тайного общества любителей натуральных продуктов, а потому бабушку ни о чем не спрашивала: сочтет нужным – сама расскажет.

Каждый день перед сном я заходила в бабушкину гардеробную, раздевалась и смотрела на себя в зеркало, проверяя, насколько я похорошела за этот день. Иногда мне казалось, что ничего не меняется и я остаюсь все той же анемичной девицей, но когда я взяла один из стандартных костюмов, которые продолжали исправно поступать ко мне каждую неделю, и попыталась его надеть, он лопнул по всем швам. Это была победа! Я тут же заказала себе другой размер, на два номера больше, с запасом, а все костюмы, которые стали мне малы, побросала в утилизатор.

– Бабушка, – спросила я как-то за вечерним чаем, – у тебя сохранились твои вечерние туалеты?

– Конечно!

– И у тебя найдется что-нибудь на мою фигуру?

– Определенно найдется. Мы займемся этим завтра и наверняка подберем что-нибудь подходящее. Жаль, что у тебя еще не отросли волосы, я бы хотела сделать тебе красивую прическу. Но у меня есть парики...

– Нет, никаких париков! Я хочу быть естественной.

Я стеснялась сказать бабушке правду о том, для чего мне нужен был наряд, похожий на те, что я носила в своей рыцарской Реальности. А правда была в том, что теперь, когда я почувствовала себя здоровее и ближе к природе, меня стали угнетать воспоминания о моей реальной женской холодности. Еще до перехода в рыцарскую Реальность я это заметила и считала, что виной всему сексуальная распушенность тех миров, в которых я пыталась жить. Большинство Реальностей были именно такими – призванными удовлетворять сексуальные фантазии участников. Но позже, уже на последнем курсе в колледже, один из преподавателей объяснил мне, что эти фантазии свойственны человеку только в зачаточном состоянии, и чтобы иметь высокий спрос на такого рода продукцию, их надо развивать у потребителя с детства. Я уже много раз говорила, что у меня было неправильное детство, и похоже, что в мое подсознание просто не был вовремя заложен достаточно высокий сексуальный интерес. Я и свою Реальность в конце концов выбрала за то, что отношения между мужчинами и женщинами носили

в ней романтический характер, допускавший возможность платонических отношений между мужчиной и женщиной. Но кроме меня все остальные обитатели нашего замка все-таки занимались любовью, выбирая и меня партнеров по вкусу. И только я была девственницей не только в жизни, как большинство девушек моего возраста, но и в Реальности. Меня тревожила недавно пришедшая в мою голову мысль о том, что моя сексуальная заторможенность была вызвана подсознательным знанием о своей природной непривлекательности. Мне очень хотелось теперь, когда я так изменилась, проверить это и, если представится возможность, распоститься, наконец, с постылой девственностью. В Реальности, конечно. Для этого мне и нужен был вечерний туалет моей бабушки.

Весь следующий день бабушка почти не покидала гардеробную. Когда я зашла к ней и увидела ее посреди вороха разнообразных тряпок, меня чуть удар не хватил.

– О нет! Я в этом никогда не разберусь! – закричала я с порога.

– А тебе и не нужно самой разбираться, я уже выбрала подходящий туалет. Как тебе понравится вот это?

Бабушка протянула мне нечто вроде огромного золотого чулка с тесемками на одном конце.

– Это – платье? – с сомнением спросила я.

– Да, и от знаменитого модельера. Оно совсем простое и будет великолепно сидеть на любой хорошей фигуре. Лучше его надевать снизу. Вот так, правильно. Теперь поправь тесемки на плечах и завяжи их. Чувствуешь, как это платье облегает фигуру и поддерживает грудь? Нет, еще рано смотреть в зеркало! К этому платью я, помнится, надевала ожерелье из малахита, но я его обменяла на макароны.

– У ди Корти?

– Нет, у одного владельца итальянского ресторана, собиравшегося жениться; его невеста была рыжей, как слиток золота, и оно ей очень подошло. Но я сейчас разыщу что-нибудь подходящее.

Бабушка проковыляла, отбрасывая железной ногой валявшиеся на полу роскошные платья, в свою спальню и вернулась через минуту, держа в руках шкатулку из красного дерева. Она подняла ее крышку, и я ахнула – вся она была доверху полна драгоценностей. Я подошла, потрогала рукой лежавшее сверху ожерелье из мрачно посверкивающих черных камней и тотчас отдернула руку.

– Бабушка, они такие холодные! Такое я ни за что на себя не надену.

– И не надо. Это черные австралийские опалы; во-первых, они вовсе не подойдут к твоему платью, а во-вторых – приносят несчастье. Твой дед подарил мне их перед самой Катастрофой, поэтому они и лежат сверху. Тебе нужно что-то другое.

– Ты перестала носить драгоценности, когда стала вдовой?

– Да. Илиас любил, когда на мне что-нибудь сверкало, но сама я была к этим побрякушкам равнодушна. После его смерти я никогда не носила ничего, кроме моего крестильного крестика и обручального кольца. А ты, кстати, так и не вспомнила, куда делся твой крестик?

Я поспешила увести разговор в другую сторону:

– Бабушка, а ты сама веришь в то, что черные опалы приносят беду?

– Один замечательный английский писатель на вопрос, верит ли он в приметы, ответил: «Когда черная кошка переходит мне дорогу, я всегда ей уступаю, а вдруг ОНА верит в приметы?» Взгляни-ка вот на эти бусы! Они теплы на ощупь и очень подходят к твоему платью. Это янтарь.

Я взяла в руки нить полупрозрачных золотых шариков, теплых и легких, посередине был нанизан ромбик, в котором что-то чернело. Я пригляделась – это была маленькая пчелка.

– Янтарь – окаменевшая смола древних деревьев. А эта неосторожная молодая пчелка приняла каплю смолы за каплю меда, хотела ею насладиться – и влипла на тысячи лет.

– Какая страшная участь! Бедная пчела. Как сказала бы одна моя знакомая старая леди, ее судьба напоминает молодежь, прилипшую к мнимой сладости фальшивой Реальности. Нет, этот пчелиный саркофаг я тоже не хочу носить.

– Тогда взгляни на эти простенькие бусики, не правда ли, в них что-то есть?

Длинные бусы были собраны из шариков, холодных на ощупь, но теплых на вид, они были похожи на оранжевые ягодки. Я подержала их в руках, согрела и решила, что смогу теперь надеть их на шею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.